

РУССКАЯ ИМПЕРСКАЯ ФАНТАСТИКА

Александр

Афанасьев

НЕТ ПУТИ НАЗАД

ОТЯГОШЕННЫЕ ЭПОМ

Александр Афанасьев
Нет пути назад
Серия «Бремя империи»
Серия «Отягощенные злом», книга 4

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6896078

Отягощенные злом. Нет пути назад / Александр Афанасьев: Эксмо;

Москва; 2014

ISBN 978-5-699-71938-9

Аннотация

Российская Империя, век XXI. Вялотекущий конфликт на ее окраине, в недавно присоединенном Афганистане, отзывается громким эхом в Зимнем дворце. Императрица всяя Руси Ксения получает видеопослание, в котором от нее требуют стать такой же, как и две трети ее подданных, то есть – принять ислам и поднять над страной и всем миром знамя джихада. Причем требование это исходит отнюдь не от потерявшего связь с реальностью религиозного фанатика, а от генерала русской жандармерии Павла Порфирьевича Ковалева. Чтобы разорвать сети чудовищного заговора, опутавшего Империю, Ксения призывает на помощь самого доверенного человека, своего друга детства. Великого русского разведчика адмирала князя Воронцова...

Содержание

Афганистан, Кабул	5
Российская империя	12
Афганистан, Кабул	36
Где-то в Афганистане	52
Далекое прошлое	92
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Александр Афанасьев

Нет пути назад

© Афанасьев А., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

*Вот и все – я продолжаю гореть!
Ярче всех – и до конца, до конца!
Быть собой – и ни о чем не жалеть!
Вот и все – просто запомни меня!
«Звери»*

Афганистан, Кабул

Здание главного офиса «Кабул-банка»

16 декабря 2016 года

Наверное, это всегда так бывает, что за внешним блеском скрывается развал. Это так же верно, как и то, что под покровом ханжества клокочет грязь.

Отец четверых детей, один из самых молодых в России докторов экономических наук, министр финансов Афганистана Никита Талейников сидел на девятом этаже новостройки «Кабул-банка», что на Майванде, и с преувеличенным вниманием изучал пятое приложение к балансу.

Которое было таким же лживым, как и четыре предыдущих.

Научились, на свою и нашу голову...

Основная схема столь же проста, сколь и убийственна. Любое нормальное правительство, любое нормальное государство защищает свой рынок и свою национальную валюту ограничительными мерами, составной частью которых является валютный контроль. Все с этим согласны?

Наверное, все.

Валютный контроль – система мер, ограничивающих

трансграничное движение капитала. Ведь капитал – это кровь экономики, и ни одно нормальное государство, ни одно нормальное правительство не может позволять, чтобы кто-то зарабатывал деньги в своей стране, используя труд, природные богатства, а тратил их в другой. Это верх дикости. Все с этим согласны?

Наверное, все.

Тогда какого же хрена происходит то, что происходит?

Схема простая, просто применяется она с откровенной наглостью. Все просто. Одна компания на этой стороне и одна на той. Зарегистрированы, внесены в реестр, все как положено.

Одна компания – с той стороны – заключает с другой компанией, с этой стороны, крупную сделку. Нужно финансирование. Поскольку Великобритания – враждебная страна, никто не финансирует сделки через клиринг, зачет взаимных обязательств, как со Священной Римской империей. Деньги, только деньги, и ничего кроме денег. Приходится допускать и прямой обмен валют, и трансграничные перечисления на крупные суммы. Итак: банк заполняет паспорт сделки, получает все необходимые визы, после чего происходит собственно перечисление. Все делается через Базельский банк международных расчетов, и назад там не отмотаешь.

После чего вдруг выясняется, что и первая и вторая компании находятся в комнате в какой-нибудь занюханной дыре и все, что у них есть, это стол, стул и телефон. И сделки ни-

какой не было, и товара никакого не было, и вообще ничего не было. Кроме денег, которые откочевали за рубеж вместе с их обрадованными владельцами.

Просто замечательно.

Это было и раньше. Ввели обязательное визирование паспорта сделки начальником местной полиции – начальники полиции на этом сильно обогатились и теперь были самыми горячими сторонниками русских: давайте еще так же, мы подпишем. Ввели процедуру обязательного резервирования средств самим банком – начали создавать фиктивные банки, выводить резервы. Пошла волна банкротств, каждое из которых предпринимали обманутые вкладчики, и чаще всего вооруженные. Тогда отняли право кредитовать трансграничные операции у всех банков, кроме самых крупных. И что в итоге?

«Кабул-банк». Крупнейший в стране. Флагман местной экономики. Сюда специально не пускали никого для того, чтобы вырастить собственную экономику. Сто двадцать тысяч вкладчиков.

И дыра не менее чем на триста миллионов рублей. Которые были переведены в Британскую Индию и там растворились. Вместе с владельцем банка, молодым и амбициозным Джаграем. С которым он сам обсуждал будущее банка, будущее Афганистана три дня назад.

Пустышка.

Талейников поднял взгляд на сидящих за столом. Две тре-

ти – афганцы, треть – русские. Все преданно и решительно смотрят на него: мол, что делать будем?

Да что же это такое? Лучше бы он так и оставался в Персии...

– Кто подписывал аудиторские заключения по банку?

– Уже поехали.

– Бухгалтерия?

– Главный бухгалтер и главный кассир исчезли. Ищем. Рядовые работники показали, что существовали блоки памяти, которые постоянно забирались домой по окончании рабочего дня. Никто не знает, что на них.

Черная бухгалтерия, что ж еще. Просто удивительно одно: ставка по таким операциям доходит до трети суммы после того, как разгромили Хавалу. И может быть, кто-то объяснит ему, почему человек меняет дело с потенциальной капитализацией в несколько миллиардов на сто миллионов, но прямо сейчас и наличными? Неужели это никто и никогда ему не объяснит?

Пока что никто не сподобился.

Что дальше? А дальше выбирать. Либо забирать гарантийный фонд и получить при этом банкротство и сто двадцать тысяч вкладчиков, готовых громить и крушить, либо сделать вид, что ничего не произошло. В очередной раз.

Только гложет сомнение... не может быть, чтобы тут еще чего-нибудь не было. Наверняка что-то есть...

– Николай.

– Я! – вскочило молодое дарование.

– Оставайся здесь. Не уходи, пока не проверишь всю пер-
вичку. Мне надо знать, во что мы ввязываемся.

– А вкладчики?

– Удовлетворять всех. Другое еще опаснее.

Только системного банковского коллапса не хватало. А ес-
ли рухнет крупнейший банк цепочки, этого не избежать,
кого-то обязательно заденет.

– При необходимости выходи на межбанк, потом решим.
Ты тут на правах временного управляющего.

– Понятно.

– Никаких звонков, ничего. Но вкладчикам деньги выда-
вать.

– Понятно.

– Завтра я здесь с обеда. Никто не уходит, пока мы все
здесь не выясним. Никто не общается с прессой, никуда во-
обще не звонит.

На лифте – это был один из немногих действующих лиф-
тов в Кабуле – Талейников с немногочисленными сопровож-
дающими спустился вниз. Выходя из здания, мрачно глянул
на очередь, пока небольшую. Кабул – небольшой по меркам
Востока город, и новости здесь распространяются мгновенно.

– Послушайте, милейший...

Руководящий охраной казачий сотник обратился в слух.

У Талейникова здесь была крайне серьезная охрана, не хуже, чем у генерал-губернатора, потому что здесь все крутилось вокруг денег. И слово «откат», увы, тоже знали.

– Слушаю.

– Оставьте здесь максимум своих сил. Мне нужен минимальный конвой. Сами тоже тут оставайтесь...

– Но... не имею права...

Талейников поманил пальцем, чтобы казак склонился к нему.

– За этими стенами – дыра в триста миллионов. Кто-то должен ее охранять, пока мы не поймем, что с ней делать.

– Понял.

– Пришлют жандармов, они вас сменят. До этого – ни шагу отсюда.

– Слушаюсь.

Талейников, бросив невидящий взгляд на отделанные зеркальными панелями стены, сел в свой «Даймлер-Бенц». Несмотря на многочисленные просьбы сменить машину на более защищенную, он остался к ним глух.

– В Арк. И побыстрее.

– Слушаюсь.

«Даймлер-Бенц» крякнул крякалкой, прокатился несколько метров и застрял. За ним пошел только один внедорожник с охраной.

– Ослы... чертовы ослы...

Машина замигала спрятанными под облицовкой радиато-

ра сиренами и выехала наконец на проспект.

Чтобы снова застрять. Их моментально затерло движением. Лошади, ослы, автомобили, люди... все смешалось.

– Да что делает этот идиот! – вскричал водитель.

Водитель полицейского пикапа, тоже застрявшего в трафике, выскочил из машины, но вместо того, чтобы идти разбираться, выскочил на тротуар и бросился бежать.

Машина охраны засигналила сзади.

– Полный бардак, – сказал водитель.

И тут пикап взорвался...

Российская империя

Санкт-Петербург. Зимний дворец

12 декабря 2016 года

Вызов в Санкт-Петербург был для меня неожиданным. Совершенно...

Вместе с нашей тайной работой мы не бросали и основную. Прошло два дня с тех пор, как мы передали в столицу информацию об очередном успехе. В результате искусно спланированной операции, опирающейся на агентов глубокого залегания, нам удалось ликвидировать сразу двух опасных противников на чужой территории. Это был очередной наш успех... я видел глаза людей в штабе, это нельзя недооценивать. Конечно, это не более чем два ублюдка, не надо переоценивать... но и недооценивать тоже нельзя. Когда раз за разом погибают твои товарищи, а ты не можешь ответить, это пагубно воздействует на боевой дух и на готовность сражаться. Когда ты видишь силу своего государства, своей армии, способность достать кого угодно и где угодно, это, наоборот, внушает гордость и готовность сражаться. Настрой нижних чинов очень важен, можно проиграть бой еще до самого боя...

И о чем пойдет речь, было непонятно.

В Санкт-Петербурге, в правительственный терминал Пулково, мы прибыли уже с рассветом. Чуть позднее девяти по местному я был уже в Царском Селе.

Ксения с утра была усталой. В дурном настроении – я это сразу заметил, научился различать и вовремя готовиться к буре. И в брючном костюме для верховой езды – еще один признак надвигающихся неприятностей, Ксения не любила лошадей, но когда у нее было плохое настроение, она садилась на коня и скакала как бешеная. Дурное настроение распространилось и на меня: я не удостоился даже поцелуя в щеку. Или просто Ксения теперь не видела смысла играть. Я был всего лишь ее подданным, как Меншиков при Елизавете.

– Сударыня... – прощупал почву я.

Ксения буквально вырвала руку:

– Нет времени, пошли.

Пошли так пошли... Я ведь даже и не против...

Мы прошли в соседнюю комнату. Это был не будуар, вообще не жилая комната, видимо, получилась в результате очередной перестройки дворца, я никогда не был здесь. Одно окно, высокое и узкое, несколько стульев, стол. Удивительно, что в обстановке дворцовой роскоши – такое убожество, в кабульском Арке комната для совещаний намного роскошнее. Круглый, вылизанный до блеска стол, на столе большой наладонник, одна из последних моделей – титановый корпус, двойная клавиатура, виртуальная и реаль-

ная, съемная. Интересно: это что, личный компьютер Ксении? Напрасно она его так оставляет, напрасно...

– Включай.

Я заподозрил неладное. Даже начал перебирать, где мог подставиться сам.

– Что-то произошло? – самым невинным тоном осведомился я.

– Включай. Он без пароля... – тем же тоном, сухим и каким-то надтреснутым, сказала Ксения.

Значит, общий. Ну, включай так включай...

Я подключил компьютер. На экране промелькнула заставка – обычное, гражданское программное обеспечение. Не вижу даже голографической наклейки, свидетельствующей о наличии системы шифрования.

– И?

Ксения достала маленький пластиковый квадратик видеокарточки – ни много ни мало из выреза своего декольте. Всегда поражаюсь, как дамы могут существовать без карманов на одежде... как видно, обходятся. Я взял карточку, машинально глянул – тридцать два гигабайта, самая новая. Не так давно, лет двадцать назад, такова была емкость хранилища данных компьютера, обслуживающего флотскую систему боевого управления, в Адмиралтействе он занимал целый этаж. Я это хорошо знаю, потому что теперь там и мой петербургский кабинет – на освободившихся площадях.

– Посмотри...

– Что там?

– Сказала, посмотри!!

А вот это – нокаут, господа. Я никогда, ни разу в жизни не видел Ксению в таком состоянии. Она могла быть злой, могла быть хитрой, могла быть как мегера, могла задумывать злое, но она никогда не срывалась.

Решив, что в такой ситуации лучше ее пока не трогать, я вставил карту в разъем и установил режим воспроизведения.

Сразу пошла запись.

Это была комната, комната в каком-то здании, судя по тому, что все стены были прямыми, но все они были задрапированы плотной белой бумагой или тканью, чтобы невозможно было опознать место, где велась съемка. Но я все-таки, по тому, как падает свет, понял, что это где-то на Востоке, Багдад, Тегеран, Константинополь – что-то в этом роде. Возможно, даже Кабул. Это сложно объяснить, но если кто долгое время был там, тот это понимает.

Человек, который на экране сидел перед камерой на простом, дешевом стуле, был не в положенной ему форме – генерала жандармерии, – а в гражданском, которое удивительно его молодило. Сейчас ему можно было дать сорок лет, не больше, хотя я точно знал, что ему было за пятьдесят.

Человек посмотрел мимо камеры – видимо, на оператора, который должен был дать отмашку, – а потом заговорил, отчетливо и ровно. Не было похоже, что он говорит против своей воли, не было похоже, что это спонтанное, вызванное

каким-то неблагоприятным стечением обстоятельств или нахлынувшим приступом безумия выступление. Весомые, спокойно произнесенные слова, правильно выстроенные фразы.

Говорил человек по-русски, хотя я многое отдал бы, чтобы этого не слышать и не видеть, ни на русском языке, ни на каком-либо другом.

– Сведению нашей государыни, Императрицы Всея Руси Ксении, и всех, кого это касается и может касаться. Я, действительный тайный советник, товарищ министра внутренних дел Павел Порфирьевич Ковалев, дворянин Российской империи, делаю эту запись для того, чтобы прояснить мотивацию своих поступков как в прошлом, так и в настоящем. Я не говорю о будущем, ибо у меня его нет, и я в этом нисколько не сомневаюсь. Но эта запись предназначена и для тех, кто принимает решения: верю, что я своими поступками помог России, верю, что мой факел осветит дорогу в ее будущее.

На протяжении всего двадцатого века Российская империя делала все, чтобы колонизировать Восток, превратив его жителей в тех, кем они не являются, – в белых людей, в законопослушных христиан. Мы добились многого на этом пути, но делами своими мы вымостили путь в могилу себе и государственности России. Весь двадцатый век и начало века двадцать первого мы занимались тем, что превращали пассионариев в безликую массу, воинов – в купцов, ра-

ботный люд и крестьян. Мы пришли на чужую землю и навязали ее жителям совершенно чуждое им мировоззрение и образ жизни, мы извратили и испохабили ислам, превратив его в аналог православия, которое учит: ударили по правой щеке – подставь левую. Победа над Великобританией, о которой вы сейчас подумаете, была одержана исключительно благодаря тому, что мы застали эту державу врасплох, вовлеченную в другой серьезный конфликт, и сразу применили ядерное оружие. Без этих двух факторов победы могло бы не быть.

Россия двадцать первого века – это не Россия воинов. Это Россия торгашей, развращенных потреблением людей, желающих получать все, не давая в ответ ничего. Нет в этом мире ничего гибельнее, чем решения Берлинского мирного конгресса, заставляющие великие державы гнаться друг за другом по пути выстраивания мира материального благополучия и достатка, в то время как духовное у нас уже давно превращено в обгорелые, изгаженные руины.

Я обращаюсь к Регенту Престола Ксении Александровне: задумайтесь над тем, что я сейчас скажу! Сейчас у вас один миллиард четыреста миллионов подданных и вассалов, из которых лишь треть являются православными, а остальные две трети – мусульманами. Никогда ранее в истории России, да и любой другой великой державы не было подобной ситуации. В течение последующих двадцати лет это приведет к тому, что Россия либо разрушится и пере-

станет существовать как великая держава, либо она завоюет весь мир, восславив пришествие Всемирного Халифата. Это великая угроза, но и великая возможность.

Спасение России – в исламе. В истинном, чистом исламе, зовущем к священному джихаду во имя очищения всей земли от мерзости и гнили, нанесенных последним веком ее истории. В джихаде, в котором участвует каждый и каждый готов положить свою жизнь перед Господом Миром, утверждая непобедимость и всесилие Халифата. Только когда весь мир будет одной большой Уммой, поклоняющейся Единому, Милосердному Аллаху, только тогда прекратятся все войны и бедствия, снедающие нас последние несколько веков. Война за войной, вторжение за вторжением – только так можно прекратить это! Россия должна возглавить этот процесс, стать воздем всех угнетенных и обездоленных, мы должны недрогнувшей рукой смести прогнившую до предела систему колониального правления на двух третях территории Земли, объединить угнетенные народы и повести их к победе под черным знаменем джихада. Вам, государыня, предстоит совершить самый важный выбор в своей жизни, вы войдете в историю либо как последняя правительница Великой Руси, либо – как Великая Императрица, направившая свой народ по пути истинной веры. Ислам, чистый, изначальный ислам Салафи, донесенный до нас Мухаммадом ибн Абд аль-Ваххабом ат-Тамими, да пребудет он вечно по правую руку от Всевышнего, должен стать но-

вой, единой религией Халифата, созданного на территории четвертой части земли. Джихад до победы должен стать нашим смыслом и сутью жизни, сотни миллионов угнетенных вопиют об освобождении, взывая к Милосердному, – и в вашей воле их освободить.

В Книге сказано: «Поистине, те, которые не уверовали, расходуют свое имущество, чтобы отвлечь с пути Аллаха. И они израсходуют его, затем они потерпят убыток, затем они будут повергнуты. И те, которые не уверовали, будут собраны в геенну. Это то, что мы делаем, это то, что нас ждет, это истина, принесенная нам через века, – и нет другой истины, кроме этой»¹.

Я счел бы за честь возглавить армию джихада, если не найдется другого, более достойного амира, и повести эту армию на приступ враждебных твердынь врага. Я призываю всех честных людей империи раскаяться в деяниях своих, в убийствах, воровстве и угнетениях и воззвать Милосердного о спасении. Только так мы спасемся, только так Россия станет подлинно великой. Переродившись в пламени, возродившись, как птица Феникс, дана ей будет власть над всем миром, и в тот день, когда это произойдет, мир очистится от скверны и будет жить по шариату во времена времен. Если же нет, Аллах покарает Россию первой и всем нам уготован огонь.

Таково мое послание этому поколению и будущим – и

¹ Коран 8:36.

правда восторжествует, как бы ее ни пытались сокрыть.

Генерал-полковник сил жандармерии Павел Порфирьевич Ковалев, конец связи.

Запись закончилась. Я достал карточку, чтобы она не пошла на повтор. Одним человеком в Империи, знающим о постигшей нас катастрофе, стало больше.

– Как это понимать? – надтреснутым голосом спросила Ксения. Она уже выплакалась... слез было немного, но они были.

– Ты все видела, – сказал я, нарушая все нормы дворцового этикета. – Ковалев выразился совершенно определенно.

– Нет... – Ксения встала со своего места, сделала несколько шагов и застыла посреди комнаты, – нет, нет... Это не так. Нет... Это провокация. Это провокация британской разведки, которую они сделали, чтобы разрушить наш дом. Они убили деда, они убили отца, они убили брата... за что... это все...

– Где ты это нашла? – спросил я. – Ты можешь это вспомнить?

– Еще бы не помнить. У себя на туалетном столике. Я сразу взяла самолет и полетела сюда... Я подумала, что...

Сюрприз со стороны того же графа Толстого. Или еще кого. А мне-то, собственно, какое до этого дело?

– Господи. Он же русский...

– Он – не русский! Он полностью переродился, теперь это

другой человек! Он деобандист! И террорист!

Похоже, все-таки не стоит женищинам вставать к рулю государства, не стоит. Типичная реакция женищин, когда машину несет к обрыву, – бросить руль и закрыть лицо руками, мужчина так никогда не сделает, он будет бороться до конца. Правда была слишком жуткой, чтобы принять ее.

Да и я сам только сейчас окончательно понял, что это значит. Гражданская война в стране, война христиан с мусульманами – и мусульман может возглавить генерал спецслужб, начальник отдела по борьбе с терроризмом. Вы хоть представляете до конца, что это такое? Тот, кто должен бороться с терроризмом, становится во главе террористов! Мы уничтожили генерала Тимура... я уничтожил генерала Тимура, но кто такой генерал Тимур против Ковалева... против того, кто...

Хочется просто сесть и завывать, как волк...

Что дальше? Что, мать вашу, дальше?! Извештие об измене старшего офицера Империи деморализует всех: армию, жандармерию, казаков, стрелковое общество. Их в два раза больше, чем нас, а молодых людей среди них больше в три-четыре раза, потому что в их семьях рождаемость выше, чем в русских, в два-три раза. Да, среди нас много тех, кто знает, как обращаться с оружием: но во время гражданской войны мы неминуемо получим удар в спину. Британия жаждет мести, она нанесет удар всем, что у нее осталось, у нее не будет никакой иной задачи, кроме как победить и

расчленил Россию, выполнить завет британских геополитиков еще позапрошлого века. Немцы присоединятся к ним тайно или явно, потому что для немцев, для всех европейцев мы так и остались чужими, у нас нет там друзей, это сильнее их и сильнее нас, это составляет самую суть их цивилизации. Немцы считают себя наследниками Римской империи, и они просто не могут в душе смириться с тем, что на Востоке есть самая сильная держава в мире, это нарушает их право первородства и ставит под сомнение всю европейскую геополитическую концепцию, согласно которой Европа – центр мира, центр человеческой цивилизации. Для немцев подлая по сути своей, постоянно злоумышляющая британская нация ближе, чем нация русская, потому что британцы тоже наследники Рима, а мы – нет. Они это продемонстрировали совсем недавно и продемонстрируют снова; пока Берлин под угрозой удара из Польши, они не уймутся. Японцы тоже не преминут расквитаться, им нужна Сибирь, Британская Индия, выход к нефти, которой у них почти нет. Британскую Канаду так ни хрена и не удалось демилитаризовать, САСШ расколоты сецессией, на юге полыхает война, снова поднимают голову коммунисты.

Да, в этом месиве сгинем мы, а потом и сгинет весь мир. Мы – у самого кладезя бездны. И откнуты врата, и живые позавидуют мертвым...

– Что он говорил? Что он хочет?! – Ксения сейчас совершенно не была похожа на императрицу.

Мысль снова возвращалась в разумное русло. Вспомнился вдруг тот кусочек разговора, который мы записали в Кабуле, точнее, в Барджане.

– А в Петербурге что?

– Все сделано.

– Уверен?

– На сто процентов.

Может, этот разговор относится к теме, а может быть, и нет. Не верится в любом случае, что глава организации мог просто так сдаться. Все это отдавало дешевой опереттой, в то время как в Кабуле на наших глазах каждый день разыгрывался очередной акт кровавой трагедии. Трагедии без конца и края.

Тогда что это такое? Разборка между спецслужбами?

– Он хочет, чтобы ты приняла ислам, – вслух сказал я, – он говорит именно об этом, похоже. Чтобы вся Россия приняла ислам. Чтобы мы все стали деобандистами. Знаешь, что это такое?

– Душителли?

– Нет, не они, но тоже чрезвычайно опасная секта. Зародилась она в Индии. Деобандисты – это протестанты ислама, наряду с ваххабитами из Аравии. Они хотят ввергнуть весь мир в Средневековье, установить ислам в самом жутком его варианте. Эти люди считают, что нужно вернуться к истокам, очиститься от скверны. Скверной они считают все то, что дала нам цивилизация, но это не касается оружия,

они им пользуются, чтобы убивать. Они убивают всех, кто не мусульманин, потому что им так велел Аллах. Они не читают Коран, а читают книжки, которые печатают им британцы. Они считают, что весь мир должен поклоняться Аллаху, весь мир должен быть объединен в единую Умму, а тех, кто не согласен, надо убить до последнего человека. Даже если из десяти человек девять будут не согласны жить в таком мире, их надо убить, чтобы освободилось место для единственного правоверного. Они открыто говорят, что будут убивать всех, кто против них, будут убивать целыми семьями и вырезать целыми городами. Бейрут в каждом крупном городе – вот что нас может ждать, вырежут всех. Они отрицают государство, отрицают Престол и его неотъемлемые права, в их понимании государство, живущее не по законам шариата, государь, правящий не по законам шариата, – нелегитимные, государство надо разрушить, а государя убить. Это предатели, мятежники, цареубийцы и террористы. Они хуже троцкистов. Вот кто это такие. Каждый из них готов умереть за свои безумные идеи. И Ковалев теперь, похоже, с ними, он хочет, чтобы это распространилось на весь мир.

Ксения повернулась ко мне, когда я закончил монолог.

– Что теперь делать? – спросила она.

– Ты знаешь. Или мы – или они. Третьего не дано. Если это вырвется наружу, погибнут миллионы.

– Это только слова...

Так, стоп. Хоть кто-то должен сохранять здравый рассу-

док посреди творящегося безумия.

– Здесь есть что выпить?

Ксения показала на стену:

– Вон там...

Я не сразу разобрался, как это открывается, но разобрался-таки. Достал бутылку клюквенной от Смирнова и два бокала. Выставил на стол. Когда наливал Ее Высочеству, Ксения придержала горлышко, пока не налил полный бокал, двести граммов.

– Однако...

Не уважаю спиртное... как и все моряки, пью коньяк, когда надо согреться или что-то отметить, за ужином выпиваю немного красного вина... желательно с собственных, крымских виноградников. Но сейчас нужна была именно водка, потому что только водка, а еще лучше спирт, могла вывести из ступора, в который мы сейчас оба впали. Спирт... не предлагать же даме спирт, тем более Ее Высочеству...

Ксения заглотнула свою порцию в три глотка, почти как казак. Потянулась за бутылкой, но я успел убрать.

– Хватит. Этого достаточно...

Она не разозлилась. Просто... даже не заплакала... из нее полилась... настоящая истерика, с водопадом слез.

– Господи... за что... за что...

Знать бы...

– Он... Николая... убил... убил...

Странно, но вот эти слова и привели меня в чувство.

– Он этого не говорил... – сказал я сам себе.

Ксения продолжала что-то причитать... глупое, бабское...

– Он этого не говорил, – громче сказал я, – он этого, мать его, не говорил...

– И что?! – выкрикнула Ксения. – Господи... какой ужас...

Ей надо выплакаться, а вот мне надо приходиться в себя... и думать, думать! Думать, потому что кто-то уже ведет игру, он уже в игре, он распланировал ходы и ведет нас по ним. И только делая не то, что от тебя ожидают, приходя к парадоксальным, можно сказать, выводам, можно сломать чужую игру, заставить их импровизировать, отклоняться от плана, поставить на одну доску с собой... Да... надо сыграть неожиданно.

– Он этого не говорил... – сказал я уже тише.

Я лихорадочно вспоминал, что мне было известно о Павле Порфирьевиче Ковалеве. С МВД я почти не имел никаких дел, русские офицеры считали бесчестьем какие-либо контакты с МВД. Но этот человек... да, он был... был креатурой Кахи Несторовича Цакаи. Точно, был. Потом выдвинули вперед Ахмедова, как опытного арабиста, специально потому, что основные события предполагались на Востоке, в то время как департамент по борьбе с терроризмом МВД привычно отрабатывал внутреннюю среду... эсеры... студенты... коммунисты... польские эсдеки... надо было про-

сто сменить вектор, и его невозможно было сменить, не поставив опытного арабиста во главе ведомства. Неужели Ковалев затаил злобу тогда?

Оставался вопрос, на который я никак не мог придумать ответ. Где, как, под влиянием чего он мог переродиться? Как мог генерал жандармерии стать на сторону деобандистов? Если он даже не мусульманин.

Провокация?

Неужели подделка? Что-то мне подсказывало, что нет. В таких играх с крапленых карт не ходят. Но если это не подделка, как можно заставить взрослого, опытного человека, офицера спецслужб, действительного тайного советника усесться перед камерой и говорить всю эту чушь, тянущую на высшую меру наказания?

Как?!

Может, они рассчитывали, что адресат этой пленки не рискнет отдать ее на экспертизу, чтобы определить подлинность?

Если так, то напрасно рассчитывали.

– Когда ты это нашла? – начал спрашивать я.

– Позавчера...

– Кто мог положить это тебе на туалетный столик? Кто у тебя был?

Я ожидал взрыва. Но Ксения, видимо, уже перегорела.

– Никто.

Я не стал уточнять – наверняка так и есть. Во дворце

слишком много комнат и слишком мало порядка. Их кто-то убирает, в конце концов... да любой мог. След, ведущий в никуда.

– Ты кому-то это показывала?

– Нет. Только тебе.

И то ладно...

– Пыталась найти Ковалева?

– Да. Вызвала на доклад...

– И?

Ксения тоже приходила в себя. Выплакалась.

– Его нет.

– Что значит – нет?

– Я попросила... графа Толстого навестить... семью. Супруга сказала, что он уехал в командировку... три дня назад.

О как!

Значит, Ковалев все-таки знал о том, что что-то будет, все это не было для него неожиданностью. Уже интересно.

– Что ты сказала Толстому?

– Ничего! – вызверилась Ксения. – Он привык выполнять распоряжения без лишних вопросов!

В отличие от меня. Выдрессировала, значит. Мои поздравления.

– Опасайся тех, кто не задает вопросы, – резонно сказал я, – у них что-то на уме. Что еще? Путилов знает? Ахметов?

– Нет. Что будем делать?

– Ничего, – сказал я.

– То есть как – ничего?!

– Так. Ничего.

Видя, что Ксения опять заводится, я начал объяснять:

– Те, кто играют игру, все продумали. Если они сумели сделать такую запись, у них есть план. Мы не знаем какой. Сейчас мы знаем только одно: подбросив эту запись тебе, они хотели, чтобы ты начала действовать. Если бы они хотели огласки, они бы подбросили это журналистам, на телевидение, согласна?

На Ксению разумные аргументы всегда действовали. Все-таки характер у нее был мужской.

– Согласна. Ужас... он ведь убил Николая. Зачем ему это...

– Ксения, мы это не знаем. Мы не знаем, зачем человек сел перед камерой и признался в измене. Он не признался в том, что убил императора, он обращается к тебе, он ни слова не говорит про убийство. Если...

Мне вдруг в голову пришла одна мысль. Черт, конечно, заключение должен делать квалифицированный юрист, прокурор, но...

– Давай включим еще раз. – Я снова разлил спиртное. – Будешь?

– Нет. Хватит.

Я включил запись.

– Смотри внимательно...

Снова то же самое. Камера. Стол. Человек в синей жан-

дармской форме с витыми генеральскими эполетами.

– Слушай внимательно. Анализируй каждое слово.

– Я слушаю! – снова огрызнулась Ксения.

Запись закончилась.

– Ты ведь проходила курс права, верно? Отключи эмоции и подумай, в чем можно обвинить этого человека? Что он сказал? В чем он признался?

Ксения посмотрела на меня. Потом попросила:

– Поставь еще раз.

Я поставил. Мы просмотрели еще раз.

– Еще?

– Нет, не надо... – Ксения начала понимать. – Он что-то говорил про... поступки.

– Какие поступки, Ксень? Он назвал хоть один?

Назвал ее так – на автомате, ни о чем таком не думая. Но неловко стало обоим.

– Ну...

– Не назвал ни один. Представь, что сейчас откроется дверь, на пороге появится Ковалев. Что конкретно ты сможешь ему сказать, в чем обвинить? Все, что ты сможешь сделать, – это уволить его по недоверию, верно? Ну, еще назвать идиотом.

Ксения посмотрела на экран, на котором замерло изображение. Потом на меня.

– О чем он вообще говорил? Поступки? Ну и какие поступки? Он скажет, что вел разъяснительные беседы с терро-

ристами, именно это он и имел в виду. Кто докажет, что это не так? Да и вообще: а что такого содержится в послании. Он сказал, что у тебя подданных мусульман больше, чем христиан? Выйди в Интернет: там говорят ровно то же самое. Он говорил, что на Востоке мы навязываем свои правила, извращаем ислам? Открой «Гардиан», «Спектатор»... Господи, да наши левые газетенки – там все то же самое! Он предлагал тебе принять ислам? Устроить джихад? Возглавить армию джихада? Я точно так же мог предложить готовиться к прибытию маленьких зеленых человечков на летающих тарелках. Он говорил о том, что Россия и монархия могут рухнуть? Половина Петербурга втайне ждет именно этого, просто не у всех хватает ума молчать.

– Я...

– Это генерал жандармерии, контрразведчик, mon sher! Его выделил и приблизил к себе сам Каха Несторович Цакая. Он один из консультантов при разработке антитеррористического законодательства, он знает его как свои пять пальцев. Он не писатель и не журналист, он знает цену каждому сказанному слову, настоящую цену. Я не исключаю, что, если мы поднимем записи медицинского страхования, то выясним, что страховая медицинская касса оплачивала ему услуги психоаналитика, и не один раз, а может быть, у него в кармане уже есть справка о состоянии здоровья. Если этот человек без принуждения сел под камеру и сказал то, что он сказал, он взвесил каждое слово, и, безусловно, не собирается

идти под суд с обвинением в государственной измене. Я не исключаю, что, когда все закончится, он снова появится на сцене, с широкой улыбкой на устах, и займет пост, который ему пообещали за эту запись.

– Кто пообещал?

Я улыбнулся. Протянул руку к наладоннику и забрал его вместе с записью.

– Вот это мы и должны выяснить...

– Эй...

– Зачем тебе эта запись? Я сумею ей распорядиться куда лучше. По крайней мере навести справки, у меня руки развязаны в этом смысле. А ты – веди себя так, как будто бы ничего и не случилось.

– Это сказать легко.

– Ты справишься. Где Нико?

– В Цюрихе, на практике.

– Пусть там и остается. Его охраняет швейцарская контрразведка, я немного знаком с методами их работы. Я попрошу кое-кого дополнительно присмотреть за ним.

– Опять этих...

Я взглянул Ксении прямо в глаза. Вряд ли она привыкла к таким взглядам – все-таки Регент Престола.

– Нравится тебе это или нет, но эти люди – единственные, кто отделяет ваш мир, блистательный мир столиц, от всей той мерзости, которая существует на Земле. Смерть ближе, чем ты думаешь. И нам ничего не нужно от вас, кроме ува-

жения...

Ксения опустила глаза.

– В течение ближайших дней, если ты правильно сыграешь свою роль, к тебе *подползут*. Самое главное, выдержи – тебе нужно просто продержаться дольше, чем они на то рассчитывают. Первый, кто задаст тебе вопрос, – предатель.

– Я поняла. А если мне зададут вопрос в лоб?

– Скажи, что ничего не знаешь, и запомни кто. Даже если на тебя выйдут родные Ковалева. Это не ты в чем-то виновата, это Ковалев устроил такое.

– А ты что будешь делать?

Я улыбнулся.

– Искать Ковалева, конечно же. Там, в Кабуле, – больше ему негде спрятаться, он должен быть там. Что мне остается делать...

Про то, что творится в Кабуле на самом деле, я не сказал. Привычка максимально ограничивать количество посвященных сыграла свою роль и здесь.

– Держись. Помнишь, мы синематографический фильм из Голливуда вместе смотрели. Там был один отличный вопрос: вы эффективная команда? Ну, что ты ответишь?

Ксения вдруг взяла мою руку. Прижалась к ней щекой. Несмотря на возраст, кожа у нее была как у молодой женщины.

– Да, ты прав, – сказала она уже обычным своим, спокойным голосом, – да, мы эффективная команда. Я возвраща-

юсь в Константинополь. И жду, как будто ничего и не было.

Наши шейх, шейх Абд Аль-Азиз ибн Баз, да смилуется над ним Аллах, сказал:

«Тот, кто взял вымышленные законы, противоречащие Корану, – это и есть великое нечестие и явный Куфр, и порочное вероотступничество, как сказал Аллах в Коране: «Но нет – клянусь твоим Господом! – они не уверуют, пока они не изберут тебя судьей во всем том, что запутано между ними, не перестанут испытывать в душе стеснение от твоего решения и не подчинятся полностью» (Ан-Ниса:65). И также сказал Всевышний: «Неужели они ищут суда времен невежества? Чьи решения могут быть лучше решений Аллаха для людей убежденных?» (Аль-Маида:50).

Продолжая, Шейх ибн Баз сказал: «И каждая страна, которая не правит по шариату Аллаха и не повинуетя законам Аллаха, то это Невежественное (Джахилийское) государство, Куффарское государство, Несправедливое и Нечестивое государство, ссылаясь на текст этого ясно изложенного аята. И обязанностью для исламской Уммы является испытывание гнева на это и враждовать со всем этим во имя Аллаха, и запрещено исламской Умме испытывать чувство любви к ним, и иметь связь, и дружить с ними, до тех пор пока они не уверуют в Одного Единого Аллаха и не будут править по шариату Аллаха». На этом закончил Шейх ибн Баз.

И того, что я привел и помянул из текстов

(Корана и Сунны) и из слов ученых, достаточно для того, чтобы разъяснить и понять то, что правление по выдуманнѣм и вымышленнѣм конституциям является Куфром, и клянѣсь Великим Аллахом, что тот, кто правит по этим законам, тот тоже Кафир, и если продолжать приводить из того, что сказали ученые Уммы и имамы этой уммы по поводу этого вопроса, то образуется огромное количество слов, и того, что я упомянул и привел выше, достаточно для ответа вопрошающему!

Ан-Накд Кавмия Аль-Арабия

Афганистан, Кабул

Отель «Интерконтиненталь»

22 января 2017 года

Отель «Интерконтиненталь» расположен в западной части Кабула на возвышенности, к нему идет одна-единственная дорога, которую легко перекрыть. В свое время это был лучший отель Кабула, он был построен в начале семидесятых североамериканской фирмой, владельцем сотен отелей по всему миру, после того как Кабул стал одним из мест паломничества представителей неформального движения хиппи, привлеченного доступностью местной травы каннабис, которая здесь лучшая в мире. Среди хиппи попадались богатые люди, и даже очень богатые люди, наследники миллионных и миллиардных состояний. Сюда же приезжали и богатые люди, владельцы и топ-менеджеры крупных корпораций, которым благодаря движению хиппи удалось занять молодую подружку, раскрепощенную в вопросах секса. Полагали, что к двадцать первому веку Кабул может стать свободным городом, этаким Сан-Франциско Центральной Азии, городом высокой терпимости, городом с многонациональным населением. Трудно было ошибиться сильнее.

Сейчас отель, точнее, его здание, коробку с отметинами от пуль и снарядов, выкупили русские и отремонтировали. На

первом этаже – открыли ресторан «Голубые купола», кто бывал в Ташкенте, тот поймет, о чем я говорю. Готовили здесь не хуже, чем в оригинальных «Голубых куполах», и здесь была музыка, живое исполнение, пели афганские исполнители. Впервые, после нескольких лет мрака, афганский народ начал приходить в себя. Во время, пока в городе были религиозные экстремисты, за исполнение песен или музыки полагалась смертная казнь, равно как за прелюбодеяние, содержание голубей, стирку белья в реке Кабул, выливание помоев туда же или бои воздушных змеев².

Но сейчас здесь мы, русские, и певица по имени Карара сейчас поет мелодичную и чуть печальную песню о любви, красивую, хотя не все слова я понимаю. Полагаю, эту песню следовало бы петь вечером и под нее танцевать медленный танец с очаровательной дамой... но она пела ее сейчас, навеяв грусть...

В голову лезла другая песня, которую я, с вашего позволения, приводить не буду. Страшная и грустная песня, которую я услышал в Персии и которая говорила, что дороги назад нет и ничего не изменишь.

Передо мной стояла чашка чая и симьян, местное сладкое лакомство к чаю, что-то вроде сладкой соломки, к которому я не притронулся. Ветер с гор бил в окно, стучался, жаловался на свою нелегкую судьбу: ветер здесь тоже был неприкаемым, как и люди. В Афганистане тоже бывает зима и зима,

² Это было и в нашем мире – при талибах, все описано точно.

суровая, до минус двадцати даже в ущельях. Я ждал человека, но человек не пришел...

И глупо было надеяться, что он придет.

В предательство Ковалева я не верил – слишком просто. Рыбалка, которую мы вели вот уже шесть месяцев, начала давать свои плоды – просто по закону больших цифр. Мы нашли уже девять совпадающих точек. Но предательство Ковалева не вписывалось, оно было вне картины, и это несоответствие надо было устранить.

Заодно и найти себе хоть каких-то союзников. Хоть каких-то. Ибо осознавать, что ты один... ну, пусть вдвоем, и мы ведем войну против системы, более того, против своих же, – все это очень тяжело.

А так – мы вели двойную жизнь. Занимались работой. Теряли сотовые телефоны. Изредка навещали конспиративные квартиры. Я почти перестал летать в Ташкент, не было ни времени, ни сил. Помимо этой работы мы вели обычную, выжить и уничтожить, – и террористы выпустили фетву, в которой приговорили меня к смерти. На моей памяти эта третья, одна вынесена в Бейруте, вторая – в Тегеране. Теперь – еще и в Кабуле...

Один раз я заметил за собой слезку. Своих же. Слежка вялая и явно дежурная: контрразведка проверяет. Сбрасывать не стал.

Поводом навещать конспиративную квартиру стала афганка Лайла. Сначала – просто поводом. Теперь – уже по-

настоящему.

Куда идем мы с Пятачком? Большой, большой секрет. И не расскажем мы о нем, о нет, и нет, и нет, и нет...

Я вдруг поймал себя на мысли, что в какой-то момент просто бросил поводья. По крайней мере в своей личной жизни – точно. И куда меня несет теперь, я не знаю...

Не знаю.

Я посмотрел на часы. Полтора часа. Точно не придет. Точно.

Да и было бы глупо ожидать, что придет...

Я поднялся из-за стола, оставив на нем катеринку. Поклонился, глядя в глаза певице, – обычное дело для русских дворян – проявить уважение, – отчего певица сфальшивила в одной ноте. Это ничего. Пусть поет...

Получил в гардеробе пальто совершенно омерзительного стиля, но зато теплое. Запахнув его покрепче, вышел на улицу через стальные двери, которые давно заменили здесь стеклянные, предусмотренные проектом первоначально. Ветер, несущий с гор холод и мелкий, крупкой снег, голодным зверем вцепился мне в лицо. В стороне у костра грелись замерзшие усатые нафары.

Зима. Холод. Никогда не любил зиму, чтоб ее...

Нащупывая в кармане брелок противоугонки, направился к стоянке, где меня ждала бронированная машина.

– Эфенди...

Повернулся. Молодой парень, с короткими турецкими

усиками, закутанный от холода в пуштунское бесформенное покрывало. Таксист, к гадалке не ходи. Интересно, как его сюда пустили: сюда не пускают таксистов из-за угрозы террористических актов, постояльцев привозят-развозят машины, принадлежащие отелю. Наверное, родственник одного из тех замерзших нафаров, греющихся у огня.

– Эфенди, такси совсем недорого.

– Рахман, дост, – вежливо сказал я, – но у меня есть машина.

– Эфенди... – не отставал таксист, – дороги Афганистана опасны, а там, где вы хотели бы оказаться, особенно. Вам нужен провожатый, иначе вы никогда не доберетесь до своей цели. Очень недорого, эфенди...

Я понял, кто это. И зачем он здесь.

– Каждая работа должна быть оплачена по справедливости, мой друг. На вот, возьми. И не считай это лихвой. Своди свою девушку куда-нибудь. – И с этими словами я протянул таксисту десять катеринок. Сто рублей более чем достаточно для услуги такси, но я предпочитаю здесь не экономить. Мало ли кто этот водитель и что от него будет зависеть. И пусть он воспринимает меня не как неверного, приговоренного к смерти Шурой, а как человека, который дал ему неплохие деньги за услугу. Ведь в молодости денег постоянно не хватает, по себе знаю.

Короче говоря, делай добро. Может быть, и вернется...

Водитель явно замаялся – *а кто берет деньги у кяфира,*

тот сам кяфир, – но все-таки деньги взял. Поспешно спря-
тал в нагрудный карман рубахи.

– Сюда, эфенди...

Буран разыгрался не на шутку, как в степях северного Туркестана. Ледяное крошево летело в стекло, было темно, фары не пробивали и на пять метров. Я начал понимать, почему афганцы выбрали именно этот день: о полете беспилотников в таких условиях не могло быть и речи.

И мне, если честно, беспилотники тоже были не особо нужны.

Фары внезапно высветили надвигающуюся на нас стальную громаду, афганец выругался, вывернул руль, и мы разошлись с морским высадочным средством, на котором здесь передвигались морские пехотинцы. Колесный монстр – до крыши даже я с трудом могу достать рукой.

Вот и еще один повод для вражды. Один идиот не включил фары ночью, опасаясь обстрела из темноты. Другой не успел вовремя отвернуть – могли бы и мы сейчас не успеть. ДТП, труп. Или трупы. Для афганцев понятно, кто виноват. Да и для нас тоже.

Ненависть. Злоба. Недоверие. Груз накопленных обид. Все это довлеет над нами, мешая нормально в мире жить.

Мой преемник на посту наместника (придурок) остановил вывод войск на половине. В итоге войск оказалось недостаточно, чтобы контролировать ситуацию, но достаточно,

чтобы вызывать инциденты наподобие этого. По-моему, самое худшее дело – это дело, остановленное на половине. Лучше бы вообще не делать.

Да, кстати, если еще не представил моего воспреемника на посту наместника – извольте. Это Его Высокопревосходительство Наследник Бухарский, ротмистр гвардейской кавалерии. Да-да. Он. Назначили его в ходе кампании по «исламизации» конфликта. Кто-то умный в Санкт-Петербурге – я так и не знаю, кто этот умник, иначе наведалься бы и дал пощечину – решил, что раз мусульманину харам убивать мусульманина, значит, надо наводнить Афганистан войсками, состоящими из мусульман. Я даже говорил на эту тему с Ее Высочеством, но она милостиво изволила разъяснить, что надо все попробовать. Сомнительное утверждение, очень сомнительное: я могу вам назвать как минимум десяток случаев измены за последние месяцы.

Впрочем, я не могу предпринимать ничего против моего преемника хотя бы из соображений чести. Когда на корабле раздрай и каждый делает то, что в голову взбредет, ничем хорошим это не закончится...

Мы, по моим расчетам, все еще находились в Западном Кабуле, в его «частном секторе». Из-за пурги ничего нельзя было разглядеть. Одни бетонные заборы сменялись другими, но водитель вел уверенно, и явно не первый раз. Потом он свернул, и мы вкатились в черный провал ворот, которые за нами немедленно закрыли.

Боевики. Их было четверо, и сколько-то еще было в темноте. Автоматы Калашникова, на двух подствольные гранатометы, они стояли в темноте в одинаковой форме афганских контрактников, и теплые капюшоны делали их похожими на фанатичных монахов, которые несколько сот лет назад жгли людей на кострах.

Я вышел из машины.

– Лаасуна портакра, – сказал боевик, стоящий ближе всего от меня, стволом автомата подсказывая, что надо сделать.

– Тса? – Я сделал вид, что не понял.

– Руки вверх... – сказал другой боевик по-русски и каркаяще засмеялся.

Я заметил черную тень виллы в глубине сада, чахлые деревья, горящую в углу бочку, пульсирующую тревожным красным светом – это для того, чтобы погреться около нее в ожидании чего-то.

Один из боевиков приблизился. Положив автомат на капот такси, ловко обыскал меня. Опыт явно есть.

– Аслиха нах!³ – сказал он и отступил в сторону.

Второй боевик тоже шагнул в сторону, стволом указывая направление.

– Тер ша, руси⁴.

Мы вошли в дом. Обычная вилла, примитивно по нашим меркам, но по местным неплохо обставленная, капитальная,

³ Оружия нет! (*пушту*)

⁴ Двигайся, русский (*пушту*).

теплая. На кухне горела жаровня, отчего сильно пахло перегорелым растительным маслом.

Главный боевик пробурчал что-то под нос и пошел на кухню. Мы остались вчетвером в чем-то, напоминающем прихожую.

– Снимай одежду, русский, – сказал таксист.

– Это еще зачем? – резко спросил я.

– Это правило. – Таксист хорошо знал русский, говорил почти без акцента. – Нам надо быть уверенными, что ты не принес маяк. Маяк, понимаешь?

– В таком случае принесите другую одежду. На улице холодно.

Последовали переговоры между таксистом и боевиками, после чего один из боевиков ушел куда-то в глубь дома и вернулся с мешком. Мешок он бросил мне под ноги, от него воняло, даже от не раскрытого.

– Вот твоя новая одежда, русский. Извини, другой нет.

С этими словами второй знающий русский боевик визгливо расхохотался. Шутник, однако.

Я начал переодеваться, свою одежду складывая в мешок. В мешке был полный комплект одежды пуштуна, поношенный. Когда я закончил переодеваться, один из боевиков взял мешок и вышел с ним на улицу. Понятно, что он сделает, – бросит в огонь. Деньги, конечно, возьмет себе – я оставил сколько-то в карманах.

– И часы тоже.

Отправляясь на дело, я предполагал такое, потому часы взял самые простые, какие у меня были. Швейцарские Traser в карбоновом корпусе, такие выдают спецназовцам в качестве служебных. Очень точные, прочные и недорогие. Я хотел бросить их на пол, но «веселый» боевик перехватил мою руку. Забрал часы, надел на свою руку, сказал что-то довольное на пушту. Воистину, полные кретины. Часы – лучшее место, чтобы разместить там маяк. Батарейка, а в таких часах, как наш «Авиатор» или швейцарский Breitling, еще и передатчик, работающий на аварийной частоте, чтобы любой летчик, потерпевший аварию, мог подать сигнал бедствия. А перепрограммировать его на другую частоту, в том числе и на ту, на которую наводятся ракеты, – дело пяти минут. Кретины недоделанные.

Вышел старший среди боевиков, что-то буркнул.

– Амир Хабибулла просит присоединиться к столу. Закон афганского гостеприимства, – сказал таксист.

На столе было мясо. Много жареного мяса, мало риса. Один из признаков того, что это боевики: в горах куда проще украсть овцу или барана и поджарить мясо на костре, чем возиться с варкой риса. Приправа – обычный кетчуп, купленный на базаре. Я заметил, что в стороне стоит мешок, в котором виднеются пакеты быстрого питания, купленные оптом: ими-то и питаются боевики в горах, эту лапшу (она пошла из Китая, ее могут позволить себе китайские бедняки) можно

даже погрызть, если нельзя развести костер. Наверное, купили еще шоколадные батончики с арахисом и майонез.

Мясо резали ножом. Брали руками, вилок не было. Рис брали тоже руками, пихали в рот. На столе была бутылка шаропа, афганского виноградного самогона – не ожидал ее здесь увидеть, выпив, могут и озвереть. Начали разливать, пластиковый стаканчик налили и мне. Я отрицательно покачал головой и отставил в сторону.

– Харам!

Боевики смутились. Главарь что-то рявкнул и выпил, но двое, как я заметил, только пригубили. Понятно, эти еще не безнадежные и им стыдно. Неверный указал мусульманам на то, что они делают харам, и был прав.

По глазам сразу было видно – захмелели, даже с учетом того, что только что поели жирное мясо, а жир частично нейтрализует алкоголь – все равно захмелели. Афганцы не умеют пить, а моджахеды еще и воздерживаются, но не ввиду особой веры, а потому, что алкоголь в горах достать сложно. Здесь же – и достали, и напились...

Амир мутным взглядом посмотрел на меня, потом толкнул локтем сидящего рядом «веселого» боевика с моими чадами на руке, пробурчал по-пуштунски.

– Амир Хабибулла спрашивает тебя, неверный, когда вы уйдете из Афганистана...

Началось...

– Никогда... – ответил я.

Ответ перевели. Боевик что-то прорычал.

– Амир Хабибулла говорит, что тогда моджахеды убьют каждого из вас.

Я пожал плечами, мирно сказал:

– Иншалла... – пусть будет так, как угодно Аллаху.

Это не успокоило, а только разозлило пьяного боевика, и он заговорил быстро и сбивчиво, словно откашливаясь:

– Амир Хабибулла говорит, что моджахеды убьют всех вас, и ваших женщин, и ваших стариков, и ваших детей, и пусть земля горит у вас под ногами. Амир Хабибулла говорит, что моджахеды любят смерть больше, чем неверные любят жизнь, и никогда не прекратят убивать, потому что им в радость видеть, как горят бронемашины и укрепления кяфиров, в радость видеть кровь кяфиров и гробы с кяфирами, отправляемые на погребение. Афганистан никогда не признает власти Белого Царя, потому что тот ть'агут и правит не по шариату Аллаха. Афганистан будет свободным, сколько бы жизней ни пришлось отдать за это.

Нарывается.

– Спроси у амира, давно ли он читал Коран? – спросил я.

Переводчик перевел. Амир смутился, но не надолго.

– Амир Хабибулла читал Коран днем во время намаза, как и подобает правоверному мусульманину.

– Тогда пусть амир Хабибулла принесет свой Коран и покажет мне, неверному, где в Коране написано, что правоверный должен выходить против стариков, женщин и детей. Я

же без труда покажу ему обратное.

Амир разорался. Начал брызгать слюной.

– Амир Хабибулла говорит, что русские самолеты сровняли с землей деревню, где жило его племя и где жила его семья. Он имеет право взять кровь за кровь, как и положено по закону пуштун-валлай.

Самое ужасное – что это может быть и правдой...

– Скажи амиру, что он должен сам для себя решить, он правоверный мусульманин или афганец, потому что это разные вещи. Если он мусульманин, то он должен подчиняться Корану и хадисам, а не приводить мне в пример джахилийские верования, оскверняя ислам и мостя себе дорогу в огонь камнями величиной с гору. Для правоверного нет никакого другого источника права, кроме Корана, и нет никакого судьи, кроме того, что судит по шариату. Если он найдет такого сведущего в исламском праве судью и приведет доказательства, полагаю, я смогу ответить за свое государство. Но до того же пусть не оскверняет этот стол своей бранью.

Амир в ярости вскочил с места... но тут ноги его подвернулись, и он грузно плюхнулся обратно. И... захрапел.

Аут. Не надо было столько пить.

Поместили меня на ночлег в одной из комнат верхнего этажа. Комната была небольшой, холодной, из мебели – только тюфяк на полу, и наверняка со вшами. Окна были заколочены досками, а у двери моджахеды демонстративно поме-

стили раскладушку армейского образца. Понятно, один будет караулить меня здесь.

Мысленно пожелав всем спокойной ночи, я отправился ко сну. Спал тревожно и вполглаза.

Примерно в час ночи, по моему мнению, я проснулся. Подошел к двери, чуть толкнул... рука, к изумлению, не почувствовала сопротивления. Я толкнул сильнее... кушетка была пуста.

Вышел, взяв ботинки в руки, чтобы не шуметь. Осторожно прошел к лестнице. Спускаясь вниз, услышал вполне недвусмысленные звуки... они еще и шармуту приволокли. Нет, положительно, я не понимаю, какого хрена мы еще с ними возимся. Может быть, потому, что кому-то выгодно, чтобы это продолжалось и продолжалось?

Я осторожно лег на ступеньки, чтобы не засветиться. Постепенно переставляя руки, начал продвигаться вперед.

На первом этаже увидел такое, отчего меня чуть не вырвало, простите, прямо там. На толстом одеяле, на котором накрывали дастархан, оскверняя место, где принимают пищу, проспавшийся от выпитого амир Хабибулла, который еще пару часов назад рассказывал мне, как он будет резать русских, занимался... понятно чем. В роли женщины выступал тот парнишка, таксист, который привез меня.

Вот это бы снять и показать по телевидению. Пусть все знают, как соблюдают Коран те, кто кичится своей набожностью и тем, что они в точности соблюдают заветы

Корана. Собрать шариатский суд и спросить, как с такими поступить, если учесть, что сам пророк Мухаммед сказал про это: «Воистину, вы превзошли в мерзости все остальные народы».

В принципе, информация о том, что большинство моджахедов содомиты, так как в горах нет женщин, известна, и Духовное управление мусульман уже выпустило фетву насчет этого, где признало, что они действуют не по воле Аллаха и вышли из ислама ввиду своих действий. Но здесь этому мало кто верит. Потому что не хотят верить.

Вот так вот, господа. Если вы полагаете, что я проникся каким-то скрытым сочувствием к моджахедам, к бандитам, к ашрарам, то вы глубоко заблуждаетесь. Это гной рода человеческого. Они говорят: не прелюбодействуй, а сами занимаются друг с другом содомией, насиляют детей. Они говорят: не укради, а сами вымогают на джихад: наши ничего нового не придумали, они просто перехватили их нишу, освоили их способ заработка. Они говорят: имущество и жизнь неверного разрешены, а сами убивают мусульман, и убивают их намного больше, чем нас, неверных, потому что наша жизнь разрешена, да взять ее не так-то просто. Они говорят, что они на истине, а мы на лжи, на заблуждении, но обманывают самым гнусным и отвратительным образом. Недавно у блокпоста в Афганистане удалось перехватить пятилетнюю девочку, внимание сержанта морской пехоты привлекло то,

что пятилетний ребенок без родителей. На девочке был пояс шахида. Когда ее начали спрашивать, кто послал ее сюда, она сказала, что мама погибла, а ее родной дядя одел на нее этот пояс и отправил к нам, сказав, что если она дернет за веревочку, то на русских солдат посыплются цветы. Правильно – девочка никому не нужна, это не мальчик, продавать женщин на базаре русские запрещают, кормить ее накладно – пусть хоть так послужит делу джихада. Девочку забрала одна из гражданских вольнонаемных, а сержант попал на губу на пятнадцать суток за пьянку и дебош. Хорошо, что не застрелился.

Так что это даже не люди. Это существа, звери в человеческом обличье. И я их давил, давлю и буду давить, пока жив. Но сначала надо разобраться с предателями. Потому что, пока они есть, ничего не закончится. И я предпочту получить нож в живот, чем нож в спину. Вот так вот, господа...

Но пока они мне нужны. И потому, не выдавая своего присутствия, я пополз обратно в комнату...

Где-то в Афганистане

23 января 2017 года

Еще ночью буран кончился, и на черном небе стали видны белые как снег звезды...

Утром пришла еще одна машина. Грузеный пикап марки «Атаман», дешевый и проходимый, Нижегородского завода братьев Атанасовых. У него спаренная кабина от среднего грузовика, уродливая, но места там масса. Корпус гражданской реконструкции⁵, а вы как думали? Джихад с доставкой на дом, твою мать. Боевики откинули заднее сиденье, там был большой кофр для инструментов. Мало кто догадался бы, что он мельче, чем должен был быть, и у него есть двойное дно.

– Лезь сюда, неверный, – приказал мирный, опухший после вчерашнего амир.

Я скептически осмотрел предназначающееся мне место.

– Я там замерзну. Сейчас же зима.

⁵ Вольнонаемный корпус из местных, который за русские деньги восстанавливает инфраструктуру и занимается стройкой. Проверенным дают легкое стрелковое оружие на случай нападения бандитов. Он был создан здесь с самого начала, но это была идея адмирала Воронцова, он начинал с этого в Персии, нанимал местных, чтобы восстанавливать дороги и дома, а не приглашал подрядчиков. Потому-то и победил, замирил Персию, а не создал очаг ваххабизма из мирной страны, как американцы из Ирака в нашем мире. Вовлечение местных – ключевое условие мира, и делать это надо быстро, опережая боевиков.

– Все мы в руках Аллаха.

– А что сделает с тобой шейх, ведь он дал слово и мы обменялись заложниками. Не много ли ты на себя берешь?

Амир злобно посмотрел на меня, но меня это не впечатлило. Теперь я знаю, кто он такой: он не воин веры, не аскет. Он лжец, негодяй и содомит. Отброс общества. Хоть я и неверный, но знаю, что Аллах отвернется и плюнет, когда эта мразь предстанет перед ним. Или спросит: ради чего ты вышел на моем пути, Хабибулла? Ради меня или ради того, чтобы делать безнаказанно харам и учить других хараму, думая, что за это не будет ответа?

Подумав, амир решил, что рисковать не стоит. Он отдал приказание, и мне принесли тюфяк, тот самый, на котором я спал.

– Может, тебе еще харамы дать, неверный, чтобы не скучал в дороге?

– Обойдусь, – сухо сказал я и полез в свое узилище.

За мной закрыли второе дно, дальше со стуком что-то положили. Наверное, инструмент. Затем я почувствовал, как машина покачивается, боевики рассаживаются про местам, как закрываются двери...

Заурчал двигатель. Тоже простой и примитивный, от сельскохозяйственного трактора: эта машина как раз и делалась простой, дешевой, которую можно отремонтировать в любой деревне, а не гнать на сервис. Сначала колотило, потом двигатель прогрелся и заработал ровнее. Качнувшись на рессо-

рах, машина тронулась...

Удобств тут мало, но жить пока можно.

И пока делать все равно нечего, скажу вам еще кое-что.
Про афганцев.

По-моему, главным различием между цивилизованными и нецивилизованными людьми является наличие или отсутствие веры. Цивилизованность связана с потерей веры, ничего не принимается на веру, всему требуются доказательства. Поэтому смешны исследования европейских геополитиков о том, что Россия изначально является дикарской, нецивилизованной страной. Весь мир пользуется таблицей Менделеева, весь мир слушает Чайковского, читает Пушкина. В двадцатом веке в России изобрели телевидение⁶, пассажирский самолет и стратегический бомбардировщик, авианосец, вертолет, еще в двадцатые годы наши ученые выполнили первые научно признанные теоретические изыскания по делению атомного ядра, внесли ключевой вклад в вопрос беспилотных и пилотируемых космических полетов. Все это стало бы невозможным без мощнейшей научной школы и, главное, без вековой тяги русских к знаниям. Она была и в восемнадцатом, и в девятнадцатом, и в двадцатом веках. Рус-

⁶ Телевидение изобрел Зворыкин, вертолет и стратегический бомбардировщик – Сикорский. Все они после революции (в нашем мире) бежали в США и там работали. Мало кто знает, что Зворыкин уже в сороковые изобрел управляемые авиабомбы с телевизионным наведением, а также вооруженный беспилотник, управляемый с самолета-матки для атаки японских аэродромов. И это все было воплощено в металле и опробовано.

ские читали книги, даже самые бедные⁷ все равно приобщались к печатному слову. И сейчас мы ничего не принимаем на веру, мы уважаем ученых, а не фанатиков и шарлатанов, и даже мусульмане в нашей стране поступают так же.

А вот эти...

Знаете, что самое страшное, почему нам так упорно противостоят эти люди, в общем-то, несчастные и бедные? Как раз вера. Если, к примеру, снять ту мерзость, которую я видел вчера, и показать ее по телевидению – удивительно, но они в это не поверят. Они поверят тому, что будет вещать полуграмотный мулла в подпольной молельной комнате. Вера не просто заменяет им разум – вера подавляет разум, заставляя не верить собственным глазам. Поэтому, если мы покажем это, те из афганцев, кто верит, заявит, что это ложь. Что это русские все так подстроили.

Так что вера – это не всегда хорошо.

Из этого же проистекает, что большинство афганцев не думает и не хочет думать, не хочет делать выводы. Будучи заместителем (когда это было), каждый четверг я обращался к афганцам через Радио Афганистана. Довольно прилично зная фарси, я читал обращение на дари, а переводчик-синхронист переводил на пушту. Эти обращения я построил не как зачитывание составленных кем-то в штабе инструкций,

⁷ Книжки выпускали тиражами в десятки и сотни тысяч, а такие нужные, как, например, ежегодник с агрономическими советами и календарем, – миллионами, они были почти в каждой крестьянской семье. Так что утверждения о том, что до Ленина Россия в массе своей не умела ни читать, ни писать, – ложь.

а как разговор: я понимал, что, если афганцы это слушают, для них это как голос России, далекой и непонятной. Я говорил им: посмотрите, как вы живете. Посмотрите вокруг себя: что из того, что окружает вас, вы построили собственным трудом, а что дал вам Аллах? Вспомните, когда последний раз ашрары оказали вам какую-то услугу. Когда они просто поговорили с вами так, как я сейчас говорю, без наставлений и угроз? Что хорошего принесли ашрары в жизнь Афганистана? Какое из зданий, помимо мечетей, построено в те годы, когда в Кабуле действовали исламисты?

Из положения афганцев вытекает еще одна бедственная характеристика – их лень. С ней я столкнулся впервые, и только в записках тех, кто прошел Замирение на Востоке в двадцатые – сороковые годы. Они не просто ленивы – они патологически ленивы, и это проистекает из беспредела, который происходил на их земле. Все то хорошее, что у них было, мог отобрать бай: если он начинал подозревать, что феллахи укрывают хороший урожай, то посылал нукеров пороть их. Если один из королевских мытарей видел, что какой-то купец хорошо торгует, он просто накладывал на него налог дважды, и никто не смел пожаловаться. Да и общество – оно тоже не любило, когда кто-то начинал жить хорошо, ибо это напоминало им, что они живут плохо. Вот почему афганцы гениальны в части придумывания отговорок, из-за чего не сделаны те или иные вещи. Каждый раз на совещаниях они говорили о том, чего им надо, что им не хватает,

но сразу замолкали, как только разговор заходил о том, что они должны дать или сделать. Это больной народ. Его можно вылечить только через два поколения. И на войне это произойдет быстрее.

Жестоко, но это так.

Мы уже выехали за город. Тянуло холодом, несмотря на ватник, трясло. Потом остановились – я догадался, что это. Контроль – один на шоссе Джелалабад – Кабул, первом национальном шоссе, блокпост. Один из ключевых, здесь, по моему, даже есть рентгеновский аппарат, как на таможенных пунктах пропуска. Вот только все машины под него не заго- нишь.

Очередь. Я начал задумываться, а по мне ли эта авантюра. Мы так до вечера ехать можем, а зимой много часов практически без движения – не для моего возраста, скажем так...

Машина двигалась рывками. Я догадался, что проверяют быстро, возможно, часть сотрудников бросили на расчистку снега: в Афганистане снежный буран – это настоящее бедствие, это у нас он – обычная зимняя неприятность.

Авантюра...

Человека, с которым я должен был встретиться, звали Джелалуддин Хаккани. Старший из братьев Хаккани, лидер так называемой Организации Хаккани, по нашей оценке, представляющей наибольшую опасность в приграничной зоне. Под его началом – до двадцати тысяч боевиков, как в горах, так и легализовавшихся, чтобы продолжать террористи-

ческие действия. Объявлен вне закона Высочайшим решением, за его голову назначена награда в один миллион рублей золотом. После ликвидации генерала Абубакара Тимура – самый опасный из всех террористов, действующих в нашей зоне ответственности.

В отличие от многих других террористов и лидеров террористических групп, практически неграмотных, закончил медресе, а потом и исламский университет в Аль-Азхар, в Каире. Придерживается принципов ваххабизма – крайне агрессивного суннитского религиозного течения, созданного британской разведкой с целью дестабилизации Османской империи, а потом применявшегося против нас. Магистр усуль аль-фикх исламского правоприменения с правом быть кади, исламским судьей. Виновен по меньшей мере в двухстах террористических актах против русских, на его личном счету не менее пятисот загубленных жизней.

Просто удивительно, почему такой человек пошел на контакт с нами.

Его люди установили контакт со мной, когда я покупал очередную партию мобильных телефонов. Несколько человек, двое из которых были в полицейской форме, скорее всего, настоящей полицейской форме. Они запросто могли бы убить меня... я бы убил двоих, возможно, троих, еще менее вероятно – четверых, но их было восемь, и пятый однозначно убил бы меня. Но вместо этого они сказали, что один шейх желает говорить со мной, и только со мной, и более ни с

кем из русских. И если я желаю с ним поговорить, то они гарантируют мне безопасность, для чего несколько человек из числа крайне авторитетных в горах, представители трех разных родов, не просто гарантируют мне безопасность, а спустятся вниз и отдадут себя в руки моих людей как гарантию моей безопасности.

Я поверил. Потому что шейх не такой дурак, и хоть он и фанатик, но понимает, что вступать в конфликт сразу с тремя пуштунскими племенами, в том числе и со зловещими африди, воинами и мятежниками, – это уже слишком. И что если он нарушит обещание и убьет меня, Шура муджахеждинов, скорее всего, примет решение, что он действовал не по воле Аллаха, и выдаст его пуштунам на расправу. Конечно, можно было предположить, что, например, у уважаемого шейха обнаружили рак, и ему теперь все равно, и он перед смертью решил, что еще может сделать против русских: разменять свою жизнь на мою. Но... в общем, я поверил. И дал свое согласие.

Мы снова поехали...

Самое плохое – все приходилось держать внутри. Доверять никому нельзя, ни единому человеку, ни единому! Поэтому официальные структуры просто не знают, где я нахожусь, и если шейх все же обманул, я погибну. Но такова плата. Такова плата за победу, по крайней мере, это более достойно.

Мы ехали по дороге, и я знал по какой. Шоссе на Пеша-

вар, первое национальное. Это всего лишь дорога по русским меркам, словом «шоссе» у нас обозначается нечто другое. Его строили англичане в шестидесятых годах; в некоторых местах оно сужалось так, что можно было пройти только одной машине в любую сторону, приходилось пропускать идущие в разные стороны машины по очереди, а высота скальных стен в этом месте достигала нескольких десятков метров, отчего становилось жутко. Британцы взорвали эти стены и создали дорогу, проходимую для бронетехники, но узким местом оставался Хайберский проход, ворота в северо-западную Индию. Когда мы пришли, то расширили и проход до трех рядов в каждую сторону, и теперь эта дорога была намного более оживленной, чем раньше. Я понимал это по гудению фур, идущих в Пешавар. Город, объявленный вольным торговым городом по условиям Бисмарковского урегулирования. Город под британской властью, но никто не вправе запретить там торговать. В том числе и русским. В этом был смысл: если мы не выйдем Британию из Индии военной силой, то рано или поздно выдавим своими товарами. Британцы просто потеряют рынок, оккупация Индии станет затратной и будет забирать денег больше, чем приносить, и тогда они уйдут.

Вопрос в том, что дальше. Что-то мне чертовски не нравится, в кого превратились мы, русские, за последнее время. По зубам ли нам этот кусок...

Скверно было еще и то, что стало тяжело дышать... Тут и

так тяжело дышать: горы, приехавший сюда человек первое время задыхается. А тут еще и водилы – чтобы хоть немного повысить мощность двигателя в горах, они убирают нейтрализатор и делают что-то типа прямоточной системы. Да и солярка здесь не лучшего качества. В результате грузовики дымят как паровозы, весь этот дым, вся эта гарь скапливается в ущелье, по которому идет трасса, и дышать тут чертовски тяжело. Особенно когда лежишь без движения в сорока сантиметрах от дорожного полотна.

Черт бы все побрал, не спать!

Интересно, далеко ли? По моим прикидкам – километров десять от Кабула отмахали. Зона безопасности двадцать, это как раз радиус применения примитивных ракетных систем «Б-1»⁸, и в этой зоне, по заверениям разведки, нет и не может быть ни одного отряда моджахедов. Нет, конечно, сами моджахеды есть, но поодиночке, с легальными документами и без ракетных систем. Дальше идет зона свободной охоты, которую не удастся стабилизировать даже постоянным дежурством беспилотников. Каждый месяц хоть что-то, но происходит⁹...

И интересно, в каком состоянии я буду, когда мы приедем на место? Живом или не очень.

⁸ Бомбометатель-1, реально существует. Цена на базаре – двадцать долларов за штуку.

⁹ Тут надо пояснить, что ситуация все же несравнима с той, что была в нашем мире в 1986–1987 годах. Нет ни укрепленных постоянных лагерей, ни караванов с оружием – все это быстро гасится. Но террор – и городской, и на дорогах – есть.

Чертов холод начинал давать о себе знать. Самое опасное – это когда ты перестаешь чувствовать, что тебе холодно. Если ты это чувствуешь, значит, все в порядке. Если перестанешь и при этом тебя клонит в сон, приехали...

Чтобы не замерзнуть, я начал вспоминать курсы. Те самые, на Балтике. Полуостров Порккалла-удд, станция торпедных катеров. Холодно-серая свинцовая вода – на Балтике она никогда не бывает по-настоящему теплой. Утренний комплекс упражнений у нас примерно соответствовал комплексу морской пехоты, зато проводился по пояс в воде. Потом в мокром обмундировании мы бежали в столовку. На этой чертовой базе все приходилось делать бегом, чтобы не замерзнуть, нас приучали к холоду, к постоянному пребыванию в сырости, к переохлаждению. Сухая одежда для нас была скорее исключением, нежели правилом, мы целыми днями занимались в мокрой. Кто заболел, того отчисляли.

Потом нам устроили испытание. Этот курс построен так: сначала физические испытания, потом огневые, потом различные высадочные средства. Поскольку на курсы боевых пловцов записывается много идиотов, романтиков, парней, желающих показать, какие они крутые, – физо идет в первую очередь, потому что на нем отсеивается большинство. На моих глазах сдался и не выдержал член олимпийской сборной по стрельбе, призер соревнований: он-то думал, что если он умеет стрелять, то ему тут море по колено. Потом я его случайно встретил – он тогда уже был снайпером парашютистов,

и на мой вопрос, не хотел бы он снова попробовать, он ответил: я что, псих, что ли?

А мы тогда все были сорванными.

Так вот, нас с утра загнали в воду по грудь и сказали, что нас слишком много. По правилам должен быть девяносто-процентный отсев, а мы не дотянули и до пятидесяти. Поэтому мы будем стоять в воде до тех пор, пока не наберем нужного отсева. А это значило, что из каждых пятерых – четверо должны были сдаться, и это после нескольких недель сырого ада, после сна днем и подъемов ночью, после «изучения рукопашного боя», когда нас просто заставляли драться толпа на толпу, после пробежек по грудь в ледяной воде, когда и дна-то не чувствуешь, после отбросов, которыми нас кормили, – четверо из пяти должны были сдаться и сказать: ну, все, на хрен, я выбываю. К черту все, я пошел домой. Это не для меня.

Если бы кто-то из нас в то время попал в ад, первое, что он сказал бы: господи, хорошо, что тут можно обсушиться.

Я только потом узнал смысл этих упражнений. Флот вбивал нам в голову, что, если происходит что-то нехорошее, это не значит, что мы в чем-то виноваты. Это значит, что жизнь – полное дерьмо, только и всего. И ничего хорошего от жизни боевому пловцу-ныряльщику ждать не приходится...

И нам еще напомнили о том, что каждый из нас давал расписку, что, если он не рассчитает свои силы и с ним на курсах подготовки произойдет что-то плохое, по этому поводу он

будет иметь претензии исключительно к себе. Но если кто-то больше не желает играть с судьбой в орлянку, тот может просто выбраться на берег, подойти к офицерскому столику, где пили горячий кофе и чай инструкторы – и никто не будет иметь к нему никаких претензий.

Нас учили, как не замерзнуть. Надо просто прижать все конечности к телу, ограничить движения и попытаться удержаться в сознании. Представить, что где-то в глубине твоего тела горит очаг, и удерживать это ощущение, удерживать тепло внутри себя. Здесь это было не так-то просто сделать – Финский залив, волны...

Мы стояли. Шло время, а мы стояли. Между нами было десять метров дистанции, и никто из нас не мог поддержать другого, даже просто повернуть голову означало разрушить ту драгоценную пленку воды рядом с твоей кожей, которая хоть немного теплее обычной воды. Вода – плохой проводник тепла, поэтому тепло она отдает медленно, как и забирает. В нашем случае важнее было второе.

Когда кто-то из нас падал, инструкторы на лодке подъезжали и забирали его. Остальные продолжали стоять. Никто из нас не знал, сколько времени мы так уже простояли и сколько предстоит простоять еще, кто сдался, а кто еще на ногах. Потом пришли сержанты из морской пехоты – морскую пехоту мы ненавидели – и стали кричать в мегафон, что мы идиоты. Что это даже хорошо, что мы такие идиоты: мы станем импотентами, и все барышни на Невском будут

принадлежать им, а не нам. Что мы полные кретины, если думаем, что кто-то может быть круче разведзвода морской пехоты.

Через какое-то время они закричали совсем другое. Что тот, кто продержался до сей поры, может выйти на берег и идти к ним, в морскую пехоту. Что его примут сразу, без экзаменов. И каждый из нас должен был принимать решение – стоять дальше или послать все к чертовой матери.

Мне было особенно тяжело. Я вырос у Черного моря. Севастополь, Ливадия, Одесса, Константинополь. Я никогда не знал, что море может быть таким чертовски холодным, и не был к этому готов, как мне сказали инструкторы, против меня ставили семь к одному. Они еще и делали ставки, кто сдаст первым.

Я не сдался. И уже вечером был в больнице, откуда вышел только через полтора месяца. Заработать одновременно цистит и воспаление легких – это надо суметь. Вот только я был тем самым пятым, вышедшим из моря на своих ногах. И после больницы продолжил обучение на курсах. Уже как один из своих...

Внезапно я понял, что машина стоит. Газует и стоит. Что я смертельно замерз. И что мы уже не на дороге...

Чертовы ублюдки.

Я начал барабанить в крышку. Бить ногами, как только мог. Мать вашу, выпустите меня наконец...

Услышали. Я услышал, как открылась дверь, как откину-

ли диван, как начали забирать инструменты. И когда инструментов не было, я толкнул это чертово двойное дно и оказался в месте, где было свободное пространство. Не так, как в гробу...

И еще тут был воздух. Настоящий воздух...

Попытался выбраться из машины – получилось, но не сразу. Ноги были как деревянные, руки тоже. Замерз.

Те, кто не знает механизма обморожения, думают, что, если замерз, надо выпить водки или спирта, и тогда согреешься. На самом деле все строго наоборот – замерзнешь еще сильнее. Алкоголь расширяет сосуды, и тепло начинает теряться интенсивнее, то, что после алкоголя ты чувствуешь жар, это всего лишь видимость согревания. Выпив, ты чувствуешь, что согрелся, тебя начинает клонить в сон, ты засыпаешь – и сон плавно переходит в вечный. Надо убраться с холода и начать делать упражнения. Это самое лучшее, что можно сделать. Ну и горячее питье, если есть...

Выбравшись из машины, я огляделся.

Мы были где-то в горах, на перевале. Температура – градусов пять по Цельсию, с отрицательным знаком, то есть почти на грани таяния снега. Снега здесь было на удивление немного – белые проплешины на буром фоне земли. Мы были на какой-то дороге, идущей непонятно откуда и непонятно куда: здесь нет приметных ориентиров, только местные, те, кому горы эти знакомы с самого детства, могут здесь уверенно ориентироваться. Слева была не пропасть, а чертовски

коварная каменная осыпь. Неопытному человеку она может показаться неопасной, но сорвавшись, до низу только уши твои доедут, как говорили на горной подготовке по выживанию.

Я понял и то, в чем заключается проблема боевиков. Дорога, по которой они ехали, стала слишком опасной, вдобавок внедорожник еще и забуксовал. А тут и сорваться недолго, поэтому дальше ехать они не решились и сейчас спорили, что делать.

Я начал разминаться, как мог. Боевики смотрели на меня с опаской. На них были накидки, с одной стороны цвета овечьей шерсти, идеально подходящие под местные камни, с другой – белые. Опытные...

Закончив с разминкой, я сунулся в салон. Увидел покрытие, разорвал его на середине, сунул голову, завязал вокруг пояса веревкой, как примитивное пастушеское пончо. Боевики смотрел на меня и ничего не говорили.

– Что встали? – спросил я. – Вот лебедка. Пользоваться умеете? Есть колышек стальной и большой молоток?

Один из боевиков отправился в машину.

Место, в которое мы приехали, было большой деревней. Как и положено обжитым местам, оно располагалось на господствующей высоте, наверху большого то ли холма, то ли горы, и было отлично подготовлено к обороне.

Улицы здесь такие, что неподготовленный человек будет

не идти по ним, а карабкаться, бегать, как местные мальчишки, он не сможет. Когда снег начнет таять, здесь будет очень скользко, но селя, сносящего все и вся, не будет: он будет ниже, уйдет в долину, здесь самый верх. Для машин здешние места совершенно не предназначены. Зато много живности, особенно коз. Афганцы любят коз: они прыгучие и могут объедать даже листву с деревьев.

Примета нового времени – коровы. В Афганистане почти нигде не держали коров, корова считалась признаком очень богатого хозяйства, молоко было столь ценным, что правоверные молили Аллаха добавить им его, если оно оказывалось на столе. Англичане ничего с этим не сделали, а мы завезли сюда кавказских коров и стали продавать. Кавказские коровы примерно в полтора-два раза меньше обычных крестьянских коров, они могут ходить по горным тропам и подниматься на задние копыта, чтобы объесть дерево. Молока они дают меньше обычной коровы, но больше козы. Козье молоко намного ценнее и дороже, но, как только русские привезли коров, их стали скупать по всем деревням. Это одно из немногих в деле «завоевания умов и сердец», что реально сработало в Афганистане.

Мальчишки. В отличие от городских сверстников – необутые. В городе – мы гордились тем, что обули всех детей, а здесь ни один мальчишка не наденет ботинки, даже если они у него и будут. Их надо шнуровать, в горах они проживут недолго, а пятки у местной детворы такие, что они могут

запросто ходить по битому стеклу. Босоногие, в отличие от взрослых с непокрытыми головами, часто с прутиками – пастушата. У всех на поясе небольшой нож, здесь нож дают ребенку, как только он начинает ходить. Они не учатся в школе, наверняка и Корану почти не учатся, растут как сорняк в поле. Как только водитель поставил нашу машину на ручник и мы вышли, они моментально обсыпали нас. Особый интерес они проявляли ко мне, один из боевиков, охранявший меня, дал особо настырному такого плесня, что тот полетел на землю, но ничуть не обиделся, вскочил и присоединился к остальным. Когда мы приходили в кишлаки, они вели себя совсем по-другому, исподтишка следили за нами блестящими черными глазами, в которых ничего нельзя было прочесть. Когда мы давали им что-то, они брали это, но выражение их лиц при этом не менялось. Если мы забирали кого-то, любой мог схватить оружие и начать в нас стрелять, и если мы просто приходили, чтобы поговорить со старейшинами, любой из них тоже мог взять оружие и начать стрелять. Араб, когда ему было совсем плохо, вспоминал, как он убил маленькую девочку: та знала, где отец хранит автомат, и открыла огонь по пришедшим в кишлак чужакам. А сейчас это были обычные дети, и если я был с моджахедами, значит, я был одним из своих и меня можно не ненавидеть. И они с детской непосредственностью пытались прикоснуться ко мне, человеку из другого мира, с авианосцами по сто тысяч тонн, поездами на магнитной левитации и собираемой

на околоземной орбите станцией для добычи полезных веществ из метеоритов. Пятьдесят с лишним лет назад гауптман люфтваффе барон Гуго фон Лоссов первым ступил на поверхность Луны, а они здесь жили, как и несколько сот лет назад.

Здесь были и женщины. Они не сидели по домам, благо здесь был небольшой рынок, и они тоже смотрели на нас. Все – в черных хиджабах, здесь нет и намека на кабульских красавиц, здесь достаточно что-то не то увидеть, чтобы занять кровного врага. Они торговали примитивной снедью и гуманитарной помощью напополам: видимо, ее привозили в село по договоренности с местными жителями, что они сами распределяют ее, но какой идиот будет отдавать бесплатно то, что можно продать. Вон знакомые мешки с рисом, с мукой, большие синие канистры с керосином – налетай, покупай. Еще одно мое начинание, которое нынешний генерал-губернатор спустил в сортир. Будучи здесь наместником, первым делом я отказался от поставки сюда гуманитарной помощи. По моему, поставлять в зону конфликта гуманитарную помощь и раздавать ее просто так – верх идиотизма. Все ценности, что получены не в качестве платы за труд, развращают и делают невозможным нормальное становление общества. Эти идиоты привезли сюда гуманитарную помощь – и шейхи торгуют ею на базаре и будут торговать, а так как норма прибыли стремится к бесконечности, они могут себе позволить финансировать моджахедов с прибылью. Да и моджа-

хеды могут объявить полученную прибыль лихвой (а как не лихва?!) и конфисковать ее себе. Скажете, не так? В Персии мы почти сразу, через месяц с небольшим, одновременно выдали вспомоществование деньгами, после чего объявили, что больше никому и никакая помощь оказываться не будет. Каждый должен работать, а пока не восстановлены заводы, есть корпус гражданской реконструкции, можно работать там и получать заработную плату, на которую можно кормить семью. Да, мы завозили продовольствие, но продавали, а не раздавали его, большей частью привлекая к снабжению местное купечество. Вместо того чтобы делать его своими врагами, раздавая продовольствие даром и провоцируя злоупотребления и воровство. Очень важно – не дать людям забыть, что такое работа и деньги, полученные за труд. Иначе ничего хорошего не будет – видно на примере Афганистана.

А здесь не слишком-то дальновидные люди предпочли вступать в переговоры со старейшинами местных племен, причем разговаривать с ними как с равными. Хотя мы держава двадцать первого века, а они довели свой народ до века примерно семнадцатого – восемнадцатого и держат его в нищете и убожестве. И чтобы легче было разговаривать, начали подкупать раздачей гуманитарки, точно зная, что они ее будут продавать. Раз поставляется гуманитарный рис, не надо выращивать свой. А раз не надо выращивать свой, значит, можно подработать. Фугас на дорогу подложить, обстрелять

конвой. А что? Тоже деньги.

И сейчас, идя мимо обнесенного каменной стеной по пояс рынка, я видел плоды этой политики, сломать которую мне так и не удалось.

Ну и мужчины.

Мужчины здесь делятся на стариков и всех остальных. Старики неспешно смотрят на текущую перед их глазами жизнь и с достоинством ждут своей кончины. Остальные мужчины – чаще всего неопределенного возраста, рода занятий, все с оружием. Все лихие – моему нраву не препятствуй. Здесь, в этих селениях, нельзя выделить боевиков и сказать, что вот это мирный житель, а это – бандит, боевик. Здесь любой возьмется за оружие и начнет стрелять, если будет повод или достаточная сумма денег. Мирных здесь нет.

Ворота, в которые мы зашли, были выкрашены зеленой краской – символ ислама. Во дворе – затоптанном сапогами, грязном, с глинобитными строениями – стояли несколько мужчин, без оружия. Один из них на наших глазах зарезал овцу.

Ясно, очередной этап пути. Сидим, едим, пьем. Хоть немного согреюсь – переход по горам я могу и не выдержать...

Еда была хорошей, с мясным блюдом. Даже при короле, при относительно стабильной власти, афганцы ели мясо лишь по праздникам, даже средний класс, – сейчас, судя по

тому, как афганцы вели себя за столом, мясное блюдо в обед было для них нормой. После чего мы улеглись, чтобы немного поспать перед переходом по горам. Легли в общей комнате, мне дали такую же овчину, как и всем. Зимой в горах холодно, что днем, что ночью...

Ближе к вечеру мы вышли. Уже светила луна, и на стремительно темнеющем небе проявлялись белые крупные звезды. Небо очистилось, буран кончился...

Ни у одного из боевиков не было автоматов, оружие если и было, то они несли его скрытно, скорее всего, те дешевые пистолеты, которые клепают с другой стороны границы. У всех были одеяла, которыми они закутали себя перед переходом, и большие мешки, в которых они несли купленное в городе: пакеты, майонез, чайные пакетики. Аскеров генерала Мадаева больше не было – и можно было ходить по горам относительно безопасно.

Генерал Мадаев погиб, пополнив своей смертью длинный список подозрительных смертей, какими умерли многие из тех, кто работал в Персии или с Персией, а потом действовал в Афганистане. Никто не уверит меня в том, что это трагическая случайность...

Мы уходили в горы. Я шел в середине колонны, на мне был тот же самодельный плащ-пончо. Последний из боевиков волок за собой что-то типа мешковины с камнями, это примитивное, но действенное приспособление затирало наши следы.

И тут – когда поселок был уже не виден – моджахеды внезапно заговорили между собой, явно встревожившись чем-то. Прислушавшись, я услышал негромкий ровный гул мотора где-то в небесной выси, отражающийся от стенок ущелья. Первый раз я слышал это при таких обстоятельствах. Небо очистилось, и ударные беспилотники тут же вылетели на охоту. Террористы звали их пуштунским словом «мачайс» – «пчелы».

Заметил – нет?

– Идите дальше... – сказал я, следя за голосом, – они не нанесут удар. Они не видят оружия у вас, не имеют права...

Шедший позади меня моджахед толкнул меня в спину:

– Иди...

Шейх сидел у выхода из пещеры на небольшом коврике, красочно разукрашенном, таком, какой кладут на спину верблюдов. Он сильно постарел по сравнению с теми немногочисленными снимками, которые у нас были и на основании которых велся его розыск. Борода и волосы белые как снег, редкие, тонкие, на голове – вместе традиционного паколя или чалмы – черная спецназовская шапочка, раскатывающаяся в маску, удобная и теплая, как у рядового бойца. Я знал, что по крайней мере один раз по нему стрелял снайпер, но ему удалось выжить. Как – я не знаю. Возможно, просто неправильное опознание...

С первого взгляда я понял, что шейх болен, и болен силь-

но. Пергаментная, нездоровая, желтая кожа, как бумага. Это от почек. Посадил почки от долгих ночевок на холодной земле, тут даже туристический коврик не спасет, и костер разжечь нельзя – беспилотник тут же увидит тепло. И теперь моча поступает в кровь, отравляя организм, – это называется нефрит. Два-три года максимум, после чего миллион никому платить не придется. Аллах заберет его. Для меня это плохо, возможно, шейх и в самом деле решил разменять свою жизнь на мою.

Рядом с ним боевики из его личного джамаата. С первого взгляда видно – на каждом море крови. Удивительно, но многие из наиболее опасных террористов и экстремистов – бывшие королевские слуги. Экстремисты убили короля, а его слуги перешли на сторону экстремистов и начали вершить террор. Уже одно это показывает, насколько больно афганское общество. Автоматы, пулеметы, ракетные установки «РПГ-7», я заметил, что часть из них – с приваренным сзади дополнительным козырьком, чтобы стрелять под острыми углами по вертолетам. У всех у них большие бесформенные накидки, как мексиканские пончо, закутывающие человека полностью, с рюкзаком и с оружием. Опытные, гады. В основном наблюдение у нас ведется с воздуха, а по правилам нельзя открывать огонь, пока не увидел оружие у противника. А как его увидишь, если оно под такой вот попоной?

Каждый из них смотрит на меня так, как будто я причина всех их бед, прошлых, нынешних и грядущих. Каждый готов

броситься на меня и растерзать, повинуюсь единственному кивку шейха. То, что я безоружен и пришел с миром, их не остановит: они озверели от крови и не знают благородства.

– Ас саламу алейкум, – сказал я, – мир вам.

Шейх смотрел на меня пожелтевшими от болезни, рысьими глазами.

– Ва алейкум ас салам, – сказал наконец он, – мир и тебе.

Я тайком выдохнул. Если начал говорить, уже лучше.

– Оставьте нас, – приказал шейх.

Моджахеды неохотно повиновались, пошли в глубь пещеры. Как минимум один будет целиться в меня из темноты, уверен...

– Ты – Воронцов, – сказал шейх, пристально смотря на меня. – Убийца мусульман...

– Я убивал бандитов, – возразил я.

– Ты убивал мусульман, – сказал шейх, – и рано или поздно Аллах призовет к ответу и тебя. Но именно потому я и доверяю тебе. Как никому.

Шейх закашлялся, кашлял нехорошо: скорее всего, еще и бронхит. Надо бы антибиотиками, антибиотики у них наверняка есть, но пещерная жизнь не для старого человека. Возможно, он болен настолько, что умрет уже в этом году.

– Я мог бы приказать убить тебя, – сказал шейх, откашлявшись и сплюнув на снег мокроту, – но я не стану этого делать. Ты поможешь мне...

Я впился глазами в комок слизи. Он был подозрительно

темного цвета: возможно, внутреннее кровотечение.

– Думаешь, когда я умру? – спросил шейх.

– Всем нам отмерено Аллахом.

– Аллахом? Что ты знаешь про Аллаха?

– У нас, русских, есть судьба. Мы верим в нее. А еще мы верим в Ису, пророка, предшествовавшего Мухаммеду.

– Ты ничего не знаешь про ислам и про веру, русский. Но так даже лучше. Так я смогу отомстить им.

– Кому – им, шейх?

Вместо ответа шейх достал из-за пазухи какой-то засаленный пакетик.

– Приблизься. Возьми.

Я сделал, как было сказано.

– Это то, что мне подсыпали в еду. Таким, каким ты меня видишь, я стал только недавно, еще три месяца назад я был здоров. Теперь... хвала Аллаху, я еще достаточно жив, чтобы отомстить этим шайтанам...

В пакетике что-то было. Я не осмелился это пробовать и даже нюхать. Одному шайтану известно, что это.

– Кто это сделал?

– Человек, который пришел с той стороны.

– Из Деобанда?

Шейх снова закашлялся.

– Нет, из Хаккании. Вера – не всегда сила, русский, иногда это и слабость. Когда к нам приходит человек и говорит, что он вышел на пути Аллаха, кому придет в голову проверять

искренность его слов?

– Я могу поговорить с этим человеком?

– Сможешь... – шейх сплюнул мокроту, – когда Аллах призовет на суд и тебя. Этот человек в аду, и смерть его была нелегкой. Но он кое-что сказал, что я хочу донести до тебя. Поступай с этим как знаешь...

– Что англичане и часть русских сговорились, да? – тихо спросил я.

– Встреча была летом прошлого года, недалеко от Джелалабада, у плотины. Со стороны англичан были двое, со стороны русских – намного больше.

– Вы знаете, кто был там со стороны англичан?

Шейх снова закашлялся.

– Мой человек наблюдал за встречей, русский. Откуда ему знать, кого и как зовут? Он помнит только то, что видел.

– Я могу поговорить с ним, эфенди?

Шейх что-то хрипло крикнул в глубь пещеры. Через несколько минут к нам выбежал подросток, лет четырнадцати, одетый как бандит. Его подбородка не касалась бритва, но за спиной – уже автомат. На меня он посмотрел с нескрываемой ненавистью...

– Это Салам... – сказал шейх, – его так называли, потому что он появился во время, когда правоверные стояли на намазе, давая салам самому Аллаху. Его отец и все братья стали шахидами на пути Аллаха. Но Салам продолжает войну. Спрашивай, а я переведу, потому что я, иншалла, знаю рус-

ский, а он нет.

– Кого ты видел у плотины рядом с Джелалабадом этим летом, бача, опиши мне их...

– Это были девять человек, семеро руси и двое англизи, – перевел шейх, – руси приехали первыми, а потом приехали и англизи. На машине руси. Они разговаривали за столом около часа, а потом англизи уехали...

– Опиши сначала англизи, бача. Как они выглядели?

– Один высокий, примерно как ты, русский. Второй пониже на полголовы, но крепче телом, а первый худой. Оба бериш¹⁰. У высокого лицо... как кувшин.

– Немного длинное, – подсказал я.

– Да, длинное. Глаза серые, волосы до плеч, – продолжал переводить шейх. – Саламу он показался знатным человеком, и Салам уверен, что он англизи.

Еще бы не знатным... Граф Алан Сноудон, двенадцатый граф Сноудон, князь де Роан, герцог де Субиз, егермейстер Его Королевского Величества Эдуарда Девятого, короля Англии, Шотландии, Ирландии и Объединенных территорий. Лейтенант двадцать второго полка специальной авиадесантной службы, то ли в отставке, то ли нет. Салам алейкум, граф. Давно я пытался вызнать, куда вы пропали и чем занимаетесь. И я, кстати, предупреждал, что следующий раз не промахнусь. Так что покорнейше простите...

¹⁰ Безбородый. Для афганца это серьезное оскорбление, оно значит «не мужчина». Бача бериш – безбородый мальчик, так называют мальчиков-проститутков.

– А второй англизи?

– Немного ниже ростом, крепкий. Лицо широкое. Нос немного поврежден, как в кулачной драке. У него черная куртка из быка, дорогая, и почти голая голова. Салам думает, что это человек его личного джамаата, телохранитель.

Этого я не знал. Скорее всего, из 22САС.

– Хорошо, Салам, я понял. Теперь опиши мне руси, которые там были.

Салам начал описывать, я запоминал. Кого-то я узнал, кого-то нет, но это неважно. Если вернусь, посижу с базой данных. Найду всех...

На то, чтобы описать внешность всех семерых, потребовалось больше времени, но описание было точным, почти фотографическим. Я задавал вопросы, и Салам подробно отвечал на них. Как и у всех людей, которые малограмотны, у Салама была великолепная память. В джамаате, в личном джамаате шейха, он служил разведчиком. Что мы можем сделать с четырнадцатилетним пацаном? Даже если он только и мечтает, что убивать нас.

Одно из описаний меня заинтересовало.

– Салам, ты хорошо сделал, что рассказал мне правду. Это хорошо. У тебя есть карандаш и листок бумаги?

Салим закивал.

– Принеси их сюда, хорошо?

Салам глянул на шейха, тот кивнул, и он помчался в глубь пещеры с той же непринужденностью, с какой наши пацаны

бегают по футбольному полю за гимназией.

– Вы не опасаетесь гнева Аллаха за него? – кивнул я шейху. – Он же бача совсем еще. Где написано, что дети должны выходить на джихад?

– Он не бача! – резко возразил шейх. – Он мужчина и воин.

– Он ребенок, и вы это знаете. Сколько еще погибнет таких, а, шейх?

Хаккани снова закашлялся, сплюнул мокроту в снег.

– Иногда я думаю про путь Аллаха, русский. Тем более что скоро мне предстоит встретиться с ним, дабы дать отчет в своих делах. Хоть мы говорим, что побеждаем вас в бою, – шейх кивнул на черный зев пещерной утробы, – я знаю, что это не так. Вы сильные воины, руси. Вы самые сильные воины из всех, кого мне приходилось повидать на своем веку. У вас есть люди, готовые несколько ночей провести на холодных камнях, только чтобы потом выстрелить. У вас есть люди, которые ничего не скажут, даже если снять с них заживо кожу. У вас есть люди, готовые несколько дней идти по горам без отдыха, только чтобы настигнуть нас. Клянусь Аллахом, вы достойные враги ислама, пусть и неверные, – если бы это было не так, я бы не говорил сейчас с тобой. Но даже побеждая, вы все равно проигрываете. Сколько лет назад вы вошли в Афганистан, а ваша армия уже кишит предателями. Верно слово Книги, говорящее: а те, кто будут расходовать, чтобы отвратить правоверных от ислама, они израсходуют

все, что есть, потом они потерпят убыток, потом они будут повергнуты.

– А ваша, шейх? Ваша не кишит? – спросил я, показывая на карман, куда я спрятал пакетик с ядом.

Шейх ничего не ответил.

Вернулся Салам. Протянул мне школьную тетрадку и карандаш фабрики «Сакко и Ванцетти». Тетрадь была наполовину исписана, я понял, что это неумело составленные планы военных городков...

Я наскоро накидал карандашный рисунок, показал его Саламу.

– Он! – радостно сказал Салам. – Это он, руси! Точно он...

Шейх что-то сказал Саламу, и тот побежал в глубь пещеры.

Наследник эмира Бухарского, ротмистр гвардейской кавалерии. Генерал-губернатор Афганистана и мой восприемник.

Что же так все плохо, а?

– Что им надо? – спросил я. – Почему они пытались убить вас?

– Инглизи очень хитры, они хитры хитростью крыс, – ответил шейх, – они помогают нам, потому что мы сражаемся против нас, но они и ненавидят нас. Если они перестали нам помогать и стали убивать, значит, мы им больше не нужны. Почему? Подумай над этим сам, русский, ты же умный...

Потому что была достигнута какая-то тайная договорен-

ность. Тайная договоренность между англичанами и какими-то представителями русского дворянства и офицерства, побывавшими на встрече. И эту договоренность англичане восприняли столь серьезно, что начали превентивную зачистку непримиримых и практически неуправляемых лидеров бандформирований. Потому что они им больше не нужны – они убирают их, пока могут, в расчете на то, что Афганистан отойдет им.

А что еще отойдет? Какие еще куски нашей Родины вы продали главному противнику, а, господа офицеры? И дорого ли дали вам за них? Гады подколодные.

Скоты.

– Вам не кажется, что пора все это прекратить, эфенди? – спросил я.

Шейх отрицательно покачал головой.

– У нас мало что есть, русский. Но есть вера. И мы не отдадим ее вам. Мы будем сражаться и с вами, и с инглизами, если потребуется.

Идиот... Ты умрешь – а те, кто будет наследовать тебе и твоему грозному имени, бросятся на переговоры, чтобы подороже продаться, пока есть возможность...

Если ты сеешь вокруг себя чуму, не удивляйся, если и сам заболеешь...

– Вы тоже достойный противник, шейх. Разрешите и мне задать вам вопрос.

Шейх кивнул.

– О ком из русских вы знаете как о тех, кто собирает закят с правоверных, но не направляет его на положенное, а забирает себе?

Шейх кашлянул. Достал четки, примитивные, просто веревка с узелками, и начал перебирать их.

– Ты умнее, чем я думал, русский...

– Я кое-что скажу вам, эфенди. Я уважаю вас и вашу веру. И считаю вас – лично вас – достойным врагом. Намного достойнее тех, кто посылает людей на смерть, сам сидя в теплом месте, попивая харам. Вы ведете войну сами, претерпевая все то же самое, что и ваши люди. Те, кто говорит про джихад по телевизору, кто призывает к джихаду в мечетях, сами не вышли на пути Аллаха. Они толкают на этот путь других. Джихад имуществом – ложь, чтобы оправдать трусость. Это про таких сказано: пусть сидят с сидящими. Но еще хуже, когда те, кто должен воевать с вами, начинают делать то же, что и вы. Сначала они приходят и распространяют заразу, а потом предлагают лекарство. Вы делаете это ради веры. Они делают это ради денег. Они чума. Они опоганивают все, к чему только прикоснутся. Они готовы ударить в спину своих же. Клянусь памятью отца, и деда, и прадеда, они мне не братья, и не друзья, и не товарищи, они худшие из моих врагов. Я не успокоюсь, пока не выведу эту заразу раз и навсегда, пока не уничтожу их до последнего человека. С вашей помощью или без вашей...

– Это началось несколько лет назад... – сказал шейх, – по-

явились среди вас те, кто потерял честь. Они не только стали от нашего имени требовать закят, они стали красть людей, чтобы обвинить их в том, что они ашрары, и потребовать от семей выкуп. Таких поначалу было немного, но потом становилось все больше и больше.

– Имена?

Шейх назвал несколько имен. Всех я знал, все – бывшие и действующие офицеры. Всех надо проверять.

– Почему их никто не остановил? Почему об этом никому не было известно? Почему никто не пришел ко мне, черт побери, я больше года был наместником, чтоб вас всех! Я бы эту заразу с корнем выкорчевал!

– Тебя бы убили, русский. Как бы ты ни был храбр, отразить меч воина часто легче, чем кинжал убийцы...

Да, наверное, так. Меня бы просто убили. Крайнего короля здесь застрелил начальник его охраны, после чего начался форменный беспредел. Его отца взорвали на трибуне. Его деда расстреляли «Братья-мусульмане», проникшие в Гвардию, из автоматов на лестнице только что построенного Арка, после чего Арк отдали первому министру, а для короля поставили новый дворец на одном из окружающих Кабул холмов – Тадж-Бек. Да, наверное, меня бы просто убили.

– Еще вопрос. Куда деваются деньги? У них должны быть громадные деньги, как и куда они деваются? Хавала?

– Хавала... Нет, они не осмелятся пользоваться Хавалой. Там они чужие, русский, как ни крути...

– Тогда как же?

– Если в Кабуле кто-то и знает ответ на этот вопрос, так это Фархан Ширази. Он пошел в гору с тех пор, как все это началось. Кем он был до русских? Да никем, дукандором, полукровкой. Еще и стукачом, да покарает его Аллах. А сейчас он самый богатый человек в Кабуле. Если ты умный, думай, русский, думай...

– Понял. Еще кто?

– Аллах знает.

– Только мне не говорит. Еще раз предлагаю: прекращайте сопротивление. Вы думаете, что воюете с нами, а воюете со своим будущим. Ради детей – прекращайте...

Шейх махнул рукой.

– Иди, русский. Иди, пока я не передумал и не приказал убить тебя. Мне немного осталось, ты это уже понял.

– У меня есть предложение к вам.

– ...

– Эти – они враги вам не меньше, чем мне. Если мне потребуется помощь муджахеддинов в борьбе с этой мразью, я могу рассчитывать на вас?

Шейх снова ничего не ответил.

– Я не жду от вас ответа сейчас. Я в Кабуле, меня несложно найти. Если ко мне придет Салам, я пойму, что он от вас. И клянусь честью, позабочусь о том, чтобы он вырос достойным человеком и воином. Если вы сами положили свою жизнь на пути Аллаха, спасите хотя бы его. Возможно, вам

это зачтется...

Шейх ничего не ответил. Он что-то гортанно крикнул, к нему подбежали двое боевиков из личного джамаата. Он начал объяснять что-то, один переспросил. Они говорили быстро, на пушту – он мне знаком, но мне знаком городской пушту, а не диалект долины Сват, на котором они говорили. Шейх раздраженно накричал на переспросившего, потом показал на тропу.

– Они отведут тебя до дороги. Пусть нас рассудит Аллах...

Обратный путь до деревни прошел быстрее, потому что я знал путь и шел по нему скорее, к тому же он шел с горы, а не в гору. Я понимал, почему один из моджахедов переспросил и почему так разозлился шейх. Моджахед спросил, действительно шейх хочет, чтобы они отвели неверного до дороги, а не убили, а шейх раздраженно подтвердил приказ. И все равно я каждую минуту ждал выстрела, не верил, что выпустят.

В деревне моджахеды нашли транспортное средство. Старый трехколесный мотоцикл с большой открытой платформой сзади. Такие здесь использовались для перевозок, они проходили по дорогам, которые не выдержат давления груженого грузовика, а их двухтактные моторы питались самой дрянной соляжкой. Сзади на голый металл бросили груды тряпья – и так грузовой мотоцикл превратился в пассажир-

ский.

На обратном пути я замерз, как не замерзал до этого. Совершенно отмороженный мотоциклист (все мы в руках Аллаха, – исламская интерпретация пословицы «Кому суждено быть повешенным, тот не утонет») гнал по узкой горной дороге на неошипованных шинах со скоростью километров сорок, вскрикивая что-то лихое на каждом повороте. От ледяного ветра я буквально задубел и держался из последних сил. У моих провожатых заиндевели бороды, и один из них, кажется, читал ду'а, чтобы выбраться живым и невредимым из этого адского тарантаса. Если молодой мотоциклист решил произвести на нас впечатление, ему, черт возьми, это хорошо удалось.

Нас еще и трясло.

Потом трясоти перестало, и я понял, что мы выскочили на трассу. Над трассой на Кабул постоянно висел запах дизельной гари, тоже известная примета...

– Приехали...

– Да спасет вас Аллах на вашем трудном пути... – проговорил я, протягивая руку своим злейшим врагам.

Моджахеды помялись. Потом руку пожал один, затем и другой.

– Иди с миром, неверный...

Трещащий, как пулемет, тарантас тронулся – местные обычно потрошили глушитель, чтобы добавить немного мощности, – а я побежал (чтобы согреться, хотя бегом это

можно было с трудом назвать).

Был ли у меня жучок? А сами как думаете...

Идущий в сторону Кабула «Датсун» с мощным багажником на крыше свернул с дороги и затормозил, поднимая снежную пыль. Я побежал следом.

– До Кабула подбросите, уважаемый.

– Садись.

За рулем был Араб, закутанный в яркую клетчатую куфию. Больше я никому не мог довериться...

– Назад садись.... – сказал он, управляя машиной.

Я полез назад. Там была спортивная сумка с кучей чертовски приятных, самых лучших вещей, которые сейчас мне были нужны. Носки и варежки ручной вязки, из собачьей шерсти, и верблюжье одеяло. Только сейчас, оказавшись в тепле, я понял, как я замерз. Большой термос, в котором был сваренный по-бедуински крепкий соленый чай с жиром, густой, как молоко, – вкус отвратительный, но чай был горячий, и только жители Востока знают, насколько он полезен: мертвого поднимет. И лепешки, отличные местные лепешки из земляной печи, и большая банка с урбешем¹¹, трех ложек

¹¹ Урбеш – малоизвестное, но чрезвычайно вкусное и полезное блюдо в горах Дагестана. Это паста, полученная в результате растирания семян льна, тыквы, абрикоса, конопли, рецептов существует множество, у каждой семьи они свои, настоящий урбеш мелется вручную на каменных мельницах. Это экстремальное питание известно со времен имама Шамиля, трех ложек достаточно, чтобы выдержать трехчасовой переход по горам, намного эффективнее черного шоколада.

которого достаточно, чтобы наесться.

– У казаков баньку истопили, – сказал Араб, не отрываясь от руля, – а мне веники прислали, с эвкалиптом. Есть или пустышка?

– Есть, – с полным ртом, совершенно позабыв о всех правилах этикета, ответил я, – еще как есть. Там и поговорим.

Где же еще говорить, как не в бане? Ни один жучок такого не выдержит.

– А с тобой кто?

Сидевший рядом с Арабом на переднем пассажирском сиденье парень обернулся, и я узнал его по глазам. Они уже не были затравленными, как в горящем пламенем расового погрома Лос-Анджелесе, где он умудрился посадить себе на хвост полицию Эл-Эй, спецназ американского морфлота, а потом еще и с десятков негритянских отморожков.

Потом я его еще встречал, и не раз.

– Салам алейкум, эфенди, – жизнерадостно сказал он, – та санга ее?¹²

– За ха ям, манана, – проворчал я, отхлебывая чай. – Пару фраз из разговорника зазубрил и думаешь, уже аскер? Чего тут делаешь?

Парень пожал плечами. Мы с ним не виделись с операции по ликвидации генерала Абубакара Тимура. Он тогда вел де-

да. Обычно за столом его едят, смешивая с медом 1:1. Вкусно и совершенно не способствует полноте.

¹² Здравствуйте, господин. Как дела? (*nyumtu*)

сантную группу.

– Стреляли, – ответил он фразой из кинофильма.

– А то, что на тебе смертный приговор Шуры за Тимура висит, это как?

– Так все мы смертники, – беззаботно ответил он. – Когда кому суждено, Аллах знает. Женился, все надоело, решил это, – парень подобрал слово, – поазардовать. Да и должки старые отдать не мешало...

– Ты мне ничего не должен.

– Должен. Так как, возьмете?

Стервец.

– В отпуске?

– Оно самое. За свой счет. Пока не надоест.

– Звание? Кап-три?

– Обижаете. Кап-два, досрочно.

Идет так же, как и я, – все звания, считай, досрочно. Наверное, самый молодой капитан второго ранга на флоте.

– Ну, пакхейр, пират. Добро пожаловать в наш дурдом.

Далекое прошлое Северная часть Тегерана, район Шемиран Ночь на 31 августа 2002 года Операция «Тайфун»

Для войны сейчас было удивительно тихо...

Они остановили свои машины на обочине дороги, ведущей из Тегерана в элитный горнолыжный курорт Дизин, утром занятый десантниками и горнострелками полковника Георгадзе. Десантная группа численностью до роты оседлала дорогу, перерезав экстремистам и этот путь в эльбрусские горы. Впрочем, экстремисты туда особо и не стремились: выходцы в основном из бедных, пустынных районов востока страны и из южного Тегерана, известного сборника самой отчаянной нищеты, они совершенно не умели действовать в горах, боялись их и не стремились туда. Большею частью они отходили на юг, в бесплодную каменистую пустыню Кевир, частично уже мелиорированную и орошенную, а частью так и оставшуюся бесплодной, выжженной солнцем равниной с проплешинами соляных озер и болот. Выходя из города на открытую местность, они становились легкой добычей для штурмовиков и ночных вертолетов – охотников, постоянно

барражирующих над городом и его окрестностями, – и гибли тысячами. Не было ни медицинской помощи, ни воды. Раненых просто оставляли у дороги, где они умирали тысячами, становясь шахидами и следуя в рай. По крайней мере, они так думали. Перепуганные резней и чистками, перепуганные настоящей войной – войны здесь не было больше века, – местные жители не подходили к умирающим, боясь прогневать и старых хозяев этой земли, кровавых бородачей в турбанах, и новых, в буро-серой пятнистой форме с диковинно выглядящим оружием. Смерть разгулялась вовсю, а в то же время здесь, в нагорьях, на подступах к богатому району Шемирхан, что переводится как «прохладное место», было на удивление тихо. Только отдаленный стрекот вертолетов да грохот двигателей палубных истребителей-бомбардировщиков, направляющихся восточнее и юго-восточнее на добивание отходящих в сторону Афганистана разрозненных и деморализованных банд, – напоминал о том, что здесь идет жестокая война.

Прямо перед ними торчал черный, уходящий в небеса сталагмит башни Милад, четвертой по высоте башни на европейском континенте, гордости бывшего шахского Ирана. До войны светившаяся как новогодняя елка, сейчас она стояла черная и страшная. С нее координировали бои в городе, но русские не стали бить по ней: позавчера ее захватил спецназ. Даже сейчас, в кровавой схватке за город, русские понимали, что им еще восстанавливать эту страну, налаживать здесь

жизнь, и потому старались избежать разрушений везде, где это только было возможно.

Среднего роста, неопределенного возраста бородач стоял в кабине гражданского пикапа марки «Интернэшнл Хэви Дьюти» и смотрел на город через массивный, но неожиданно легкий прибор, объединяющий в себе термооптический и ночной прицелы и лазерный целеуказатель для наведения целей ударной авиации. На данный момент лазер был выключен, работал только фотоувеличитель третьего поколения, превращающий тьму в зеленую, мрачную воду, заливающую черный город. Человек смотрел не на дорогу, по которой можно было въехать в город, а на сам город, растянувшийся перед ним на многие километры. Северная часть города упиралась в отроги Эльбруса, южная же уходила далеко на юг, на три десятка километров, упираясь в каменную пустыню.

Город пал еще вчера. Штурмовые саперные подразделения, усиленные частями морской пехоты и парашютистами, взяли площадь Парадов, прорвались к Голубому дворцу и казармам «Гвардии бессмертных», заняли центр города. Парашютисты заняли аэропорт Мехрабад и примыкающий к нему Экспоцентр, крупнейший в Азии. Над сожженным – нет, не русскими солдатами, а благодарным Шаху персидским народом – дворцом был водружен трехцветный русский флаг. Сегодня днем замолчал позывной штаба сопротивления города. Он работал в южной части города под по-

зывным «Эльбрус-12»: спецназ подтвердил наличие цели на станции метро «Бахман», после чего стратегический бомбардировщик сбросил на цель две противобункерные бомбы весом по пять тонн каждая. Но сопротивление с этим не закончилось: в городе было огромное количество остаточных групп боевиков, бандпособников, палачей шариатских судов, джихадистов из Афганистана и Британской Индии, которым на снисхождение военного трибунала рассчитывать не приходилось, просто людей, которые привыкли держать в руках автомат и лить кровь. Все они старались вырваться из города, залечь на дно, затаиться, сменить документы, спасти награбленное. И конечно, нападали на русских военных и казаков, отчего те стреляли по ночам не задумываясь. Не было никаких сомнений в том, что уже сейчас закладывались и плелись агентурные сети, прежде всего британской разведки, организовывались подрывные и террористические ячейки, вывозилась секретная информация. Была ориентировка и на то, что в городе может находиться сам Махди, неуловимый «двенадцатый имам», с которого все и начиналось. За него была назначена награда в один миллион рублей золотом.

В кузов, схватившись рукой за удобную решетку безопасности, залез еще один человек, на голову выше первого, крепкий, усатый. Он больше был похож на араба, которых было полно и на стороне русских, и против них. Но внешность обманчива: и тот и другой были русскими и относи-

лись к одной из многочисленных оперативных групп, брошенных в регион для подготовки вторжения. Они забрасывались со стороны Каспия и больше недели находились в этом регионе нелегально, готовя высадку спецназа и десант на стратегические точки Эльбруса. Им удалось выжить – в том бардаке, который был до вторжения, никто ничего не знал, каждый амир был хозяином на своей земле, и они были ничуть не более странными, чем другие. Тем более что у них была местная машина, деньги, оружие, они умели говорить на фарси и арабском, представляться моджахедами, борцами за веру. Но сейчас, с приходом русской армии, их камуфляж представлял опасность для них самих же: единственным знаком принадлежности к русской армии был небольшой маяк на крыше каждой из машин, работающий в инфракрасном, невидимом невооруженным глазом спектре света. Но это отлично видно с огромного «Громовержца», тяжелого штурмовика, кружащего над Тегераном, а вот озлобленный и невыспавшийся казак за пулеметом на блоке мог его и не заметить. Да и сейчас инфракрасные маяки не работали.

– Что там? – спросил высокий, который очевидно, был младшим в этой паре.

– Ничего. – Старший взглянул на часы, затем протянул прибор наведения. – Давай, твоя очередь. Смотри внимательно.

– Есть... – разочарованно сказал молодой.

Время. Они ждали того, чего может и не быть вовсе. Раз-

говор человека, который мог и соврать, как это здесь принято, привел их сюда. Да, конечно, их собеседник не знал о том, что они неверные... пока они его не убили, но он мог принять их за суннитов. А суннитов доминирующие здесь шииты ненавидят еще больше, чем неверных, и солгать им – святое дело...

Старший выпрыгнул из кузова, легко, почти балетным движением, что говорило о его подготовленности. Дверь была приглашающе открыта, пахло кофе... настоящим кофе с корицей и кардамоном, который варился тут же, на кофеварке, питающейся от бортовой сети. У них была хорошая, едва ли не лучшая для таких дел машина. «Интернэшнл-2» – североамериканский пикап, собранный на Аксайском заводе под Ростовом, простой, как мычание, семилитровый многотопливный дизель, питающийся самой скверной соляркой, простые, прямые, словно рубленные топором, формы кабины, делающие бронировку простой задачей, широкие двери – машина была рассчитана на шестерых здоровых мужиков в спецодежде и с инструментом в кузове. Эта машина и в самом деле была частично бронирована и приспособлена под нужды группы специального назначения, но снаружи это была обычная, побитая временем и дорогами разъездная машина – летучка нефтяников или газовиков. Наверное, угнанная.

Между сиденьями на коробе с боеприпасами стояла рация, с виду дубовая, армейская на самом деле, одна из по-

следних моделей. Через переходник она была подключена к тому, что казалось автомобильной антенной, но на самом деле вместе с багажником на крыше представляло собой двусторонний (и на прием, и на передачу) терминал космической системы целеуказания и целераспределения «Легенда». Он позволял принимать и передавать не только координаты целей, но и любые изображения, видео, звуковые файлы в любом формате, как военном, так и гражданском, к этой сети можно даже было подключить полевой ноутбук и выйти в гражданский или военный сегмент Интернета. Еще десять лет назад такими возможностями обладал только командный пункт полка, но прогресс шел быстро, и сейчас даже такая маленькая группа могла общаться напрямую со штабом операции и с Генеральным штабом. Сейчас, впрочем, группа считалась «пассивной» и работала только на прием.

Человек надел наушники, старомодные, массивные, давящие на уши. Закрыв глаза – он был на одной из запасных армейских частот, которые использовал сейчас спецназ.

– Марка один, это Лидер белый, срочный запрос...

– Марка один на связи, тишина в эфире...

Под позывным «Марка один» работал штаб командования специальных операций, по последним данным, он располагался в выставочном комплексе Лашкари рядом с аэропортом Мехрабад, но, может быть, они уже ушли оттуда. «Лидер белый» – скорее всего, спецназ парашютистов, голубые береты...

– Марка один, в районе дворца Голестан ожесточенная перестрелка, здесь толпы вооруженных мародеров и, кажется, пара джамаатов из непримиримых. Просим срочной поддержки. Что там у вас есть? Целеуказание обеспечим, как поняли?

– Лидер белый, запрос принял, передаю вас Главной башне, они направят в ваш район беспилотник или штурмовик, как только будет возможность, прием...

Главная башня – позывной оперативной группы ВВС, они как раз и сидят на башне Милад, откуда просматривается весь Тегеран. С нее координируется вся работа ВВС.

– Марка один, здесь Акула три-шесть, работаем по ОВЦ, сорок седьмой номер, как поняли?

– Акула три-шесть, вас понял, докладывайте.

Акула три-шесть – это, скорее всего, подводные диверсанты, спецназ ВМФ. Черные береты, как у морской пехоты, но это только маскировка, все боевые пловцы маскируются под морскую пехоту. Совершенные отморозки, если ничего не изменили, то их задача – работа по особо важным целям, ОВЦ. Каждая цель идет под своим номером, в списке особо важных – перешедшие на сторону бандитов офицеры шахской армии, наиболее отличившиеся проповедники, из тех, кто засветился на экране, вынося смертные приговоры, лица, по спискам разведки отмеченные как представляющие серьезную угрозу. Морским котикам приказано брать их живыми, но на ухо сказано, что если и мертвыми – никто сильно

не расстроится. После того, что они видели по дороге в Тегеран, что видели на флешках, на телефонах, которые изымали у задержанных бородачей, подозреваемых в причастности... как-то на гуманность не тянет, скорее наоборот.

– *Марка один, я Акула три-шесть*, – по голосу было понятно, что докладывающий очень молод и что ему все это осточертело, – *зашли в адрес, у нас тут пустышка. Повторяю: ноль, зеро. Кто бы здесь ни был, он успел убраться как минимум двенадцать часов назад. Просим санкции и нам убираться, здесь на периметре собирается толпа, и не сказать что с добрыми намерениями. Я Акула три-шесть, при-ем.*

– *Акула три-шесть, вас понял, зеро зафиксировал, уходите оттуда...*

Большая часть разведданных, конечно, ни к черту не годится. Все здесь полетело ко всем чертям, и каждый спасает свою шкуру как только может. Тут, кстати, далеко не все отморозки конченые, просто эти махдисты поставили вопрос так: или ты с нами, или ты против нас. А что бывает с теми, кто против, показывали после каждого намаза по телевизору. Тут, после того как вся эта каша заварилась, только три вида телепередач остались: чтение Корана, намазы в положенное время и трансляции шариатских судов и расстрелов.

– *Марка один, я Монолит двенадцать, наблюдаю вооруженную толпу, движущуюся по улице в нашу сторону. Прошу уточнения: мы имеем право стрелять только в ответ*

или при любой потенциальной угрозе? Прием.

– Монолит двенадцать, дайте предупредительный, и, если не останоятся, стреляйте на поражение по вооруженным людям. Как поняли?

– Марка один, вас понял, исполняю. Я брошу пару светомушкетных снарядов, возможно, их это остановит.

Рев винтов оглушил, подобно тамтаму, родившись внезапно и словно из воздуха. Четверка винтокрылых штурмовиков вынырнула из-за горного хребта и ушла вниз выполнять боевые задачи в городе. Грохот винтов стих так же быстро, как и появился.

Было непонятно, произойдет ли то, что они ждали. Было непонятно, что вообще будет в самое ближайшее время – их те же вертолетчики могли запросто прищучить по ходу. Или один из «Громовержцев» – отработать парой выстрелов крупного калибра, каждый из которых как выстрел шестидюймовой гаубицы. По правилам для работы они должны были опознаться, зарегистрироваться в сводной таблице и сейчас ждать задания. Но они не сделали этого – долго ждать не придется, дел чертова уйма, а людей, как всегда, катастрофически не хватает. Если они проявятся в сети, их немедленно припашут к какой-нибудь работе, и они не будут на месте тогда, когда это станет нужно.

Было только одно задание. Заложенное в память беспилотника своим человеком в ГРУ, Главном разведывательном управлении, которому эти самые беспилотники и подчиня-

лись. Как только беспилотник увидит, что ему надо, он передаст информацию на Марку один вместе с приказом. Марка один выйдет в эфир и сообщит нужную информацию, не зная, что именно сообщает. После чего они начнут действовать.

А пока остается просто ждать...

Он сам не знал, для чего это делает. Он не знал, почему не доложил о том, что знает, по инстанции, как положено, чтобы организовали операцию. Может быть, потому, что он испытывает глубокое презрение к этим самым «организаторам», не вылезаящим из штаба и дающим ценные указания. И он хочет организовать все это сам, чтобы утереть нос этим придуркам. Наверное, как-то так...

Что-то не то в армии. Он это знал, потому что сам был частью армии. Что-то не то в стране. Он это знал, потому что был жителем этой страны. И недавно – он нашел единомышленников. Которые тоже считали, что в стране не все ладно...

Погруженный в свои мысли, он едва не пропустил сообщение, адресованное лично ему. То самое, которого он ждал.

– Марка один запрашивает Быка два-два. Марка один запрашивает Быка два-два.

Рация была дуплексной. Можно было говорить как по телефону.

– Марка один, здесь Бык два-два, на приеме...

– Та-а-ак... Бык два-два, сообщите свой статус. – Опера-

тор был явно озадачен. – Вас нет в сводной таблице.

– Бык два-два, группа центрального подчинения, находимся на севере, прием...

Группа центрального подчинения – означало, что группа подчинена напрямую ГРУ и не работает в интересах оперативного штаба.

– Бык два-два, вас понял. Для вас есть сообщение. Активность на точке три, как поняли. Повторяю: активность на точке три.

Это было то, что они ждали.

– Марка один, вас понял, активность на точке три. Нам нужна возможность работать, как поняли? Опознание по маякам.

– Бык два-два, вы понимаете всю...

– Сынок... – проникновенно сказал человек, – я все прекрасно понимаю. Дай нам дорогу, и мы все сделаем, ясно?

Оператор по здравом размышлении решил не связываться с группой центрального подчинения.

– Хорошо, я дам вам канал с Большой птицей четыре, она работает по северу города. Опознаетесь сами. Имейте в виду: на постах в списках вас нет, вы идете на свой страх и риск.

– Марка один, вас понял...

– Да, Большая птица четыре, вопрос: вы на месте?

– Большая птица четыре, мы по-прежнему на связи...

– Большая птица четыре, здесь Бык два-два, мы просим разрешения зайти в сектор. Мы в районе нагорья, готовы к

опознанию.

– Есть, давай, парень.

– Серия по три, до серии десять-девять...

Человек вышел из машины, на счет «ноль» – поднял фонарь и выдал три серии по три коротких включения прямо в небо, да еще через специальный светофильтр, отсекающий видимую часть света.

– Есть, три по три, увидел.

– Верно. Мы работаем по ОВЦ, группа центрального подчинения. Маяки в рабочем режиме, подтвердите.

– Да, пометил вас, можете двигаться...

– Большая птица четыре, премного благодарен...

Человек отключил связь, заорал во всю глотку:

– Так, двинулись! Достаем тарактелки, все по местам! У нас чертова тьма работы! Пошли, пошли, пошли!

Спецназовцы зашевелились. Из-под брезента появились крупнокалиберный пулемет «НСВ» с ночным прицелом и гранатомет «АГ-40», кургузая смертоносная машинка, способная буквально заплевать противника гранатами. Все это было мгновенно установлено на турели – до этого они были пусты, и тому была веская причина. Дело в том, что они стояли без опознания, а в зоне боевых действий любая вооруженная техника, любые вооруженные люди являлись целью. Если же они держали оружие скрытно, по ним не могли нанести удар, даже если они не выглядели подозрительно. Таковы были правила.

– Готовность на первой!

– Готовность на второй! – крикнули в ответ. «НСВ» с ночным прицелом и автоматический гранатомет – неслабая комбинация.

– Точка три, двигаем! – крикнул человек. – Держитесь нас! Идем тихо!

Головной пикап тронулся с места, проломился через кусты и выкатился на дорогу. Дорога здесь была извилистой, но она вела прямо на главную улицу Тегерана – проспект Шахиншаха Хосейни, идущий через весь город, длиной двадцать пять километров.

Дорога была свободна. Как уже было сказано, в горы ушли немногие, горы почти не бомбили. Да и северные районы... это были богатые районы, и новая власть так до конца и не смогла подчинить их до прихода русских. Люди здесь скрывались, кто-то сорвал все указатели с улиц, часть поменяли так, что они указывали совсем в другую сторону, не раз и не два было, что патрули исламистов, посланные сюда, просто пропадали.

Они заходили в город через Веленджак. Слева от них был район Элахие, один из самых дорогих и престижных районов Тегерана, здесь жили в основном иностранцы, дипломаты, недвижимость тут стоила дороже, чем в любом другом районе Тегерана. Здесь и в близлежащих районах жили в основном не персы, да еще и богачи – вот почему репрессии именно тут были особенно свирепыми. Бедняков здесь зва-

ли «живущие на камнях», и когда пришла их власть, они это припомнили...

– Казачий патруль справа. Стоп, – сказал человек. Он держал в руках терминал, на который поступала информация с ударного самолета, барражирующего над районом, хотя оператор этого и не знал. Просто сейчас вся информация направлялась в один общий центр по спутнику, и из этого колодца черпали все, кто имел право. На перчаточном ящике была прикреплена удобная полка с зажимом для документов, и там была прицеплена спутниковая карта этого района города с одним им понятными пометками. Карту они скачали через терминал и тут же распечатали: сейчас все это быстро.

Машины остановились. Фары никто и не думал включать: оба водителя пользовались приборами ночного видения.

Казачий патруль прошел впереди, даже и не подозревая о том, что выше них по дороге.

– Чисто.

– Малый вперед.

Машины снова двинулись.

– Направо.

Они повернули туда, откуда вышел патруль.

– Держать дистанцию. Пять минут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.